

INSPIRIA

РЕЙЧЕЛ ДЖОЙС

НЕВЕРОЯТНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО ГАРОЛЬДА ФРАЯ

НЕВЕРОЯТНО ТРОГАТЕЛЬНЫЙ,
УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ РОМАН РЕЙЧЕЛ ДЖОЙС
ПОКОРИЛ СЕРДЦА ЧИТАТЕЛЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ.

 INSPIRIA

Интеллектуальный бестселлер

Рейчел Джойс

**Невероятное паломничество
Гарольда Фрая**

«ЭКСМО»

2012

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

Джойс Р.

Невероятное паломничество Гарольда Фрая / Р. Джойс —
«Эксмо», 2012 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-699-65707-0

«Если время от времени не сходить с ума, то на что тогда надеяться?»
Дебютный роман, сделавший Рейчел Джойс знаменитой. Номинант на The Man Booker Prize 2012 Невероятно трогательный, увлекательный роман Рейчел Джойс покорила сердца читателей во всем мире. Гарольд Фрай, самый обычный человек, который всю жизнь ощущал себя ненужным, лишним, пускается в необычное путешествие. На противоположном конце страны в хосписе его ждет женщина по имени Куини Хеннесси. Мы не знаем, был ли у них роман, но она, одна из немногих, понимала и ценила его. Гарольд верит — пока он идет, преодолевая милю за милей, Куини будет жить. Эта одиссея стала для Гарольда возвращением к себе и — переосмыслением всей его жизни. «Великолепный в своей пронзительности роман о надежде и преображении». — O: The Oprah Magazine

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-65707-0

© Джойс Р., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1. Гарольд и письмо	6
2. Гарольд, девушка с автозаправки и вопрос веры	12
3. Морин и телефонный звонок	16
4. Гарольд и постояльцы гостиницы	19
5. Гарольд, трактирщик и хозяйка с угощением	26
6. Морин и ложь	35
7. Гарольд, пеший турист и женщина, любящая Джейн Остин	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рейчел Джойс

Невероятное паломничество Гарольда Фрая

Rachel Joyce

THE UNLIKELY PILGRIMAGE OF HAROLD FRY

Copyright © 2012 by Rachel Joyce

This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency

© Алехова Т., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Посвящаю Полу, идущему со мною рядом, и Мартину Джойсу,
моему отцу (1936–2005)*

*Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег.
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик, влача свою веригу...¹*

---

¹ Отрывок из трактата Джона Баньяна «Путешествие пилигрима в небесную страну» (перевод А. С. Пушкина).

1. Гарольд и письмо

Письмо, которому суждено было все изменить, пришло во вторник, в середине апреля. Стояло обычное утро, пахнущее выстиранным бельем и скошенной травой. Гарольд Фрай, свежесбрившийся, в чистой рубашке и галстуке, сидел за завтраком, держа неначатый гренок, и смотрел в окно кухни на подстриженную лужайку, стиснутую с трех сторон глухими дощатыми заборами соседей. В центре ее высился раздвижной шест, на котором Морин укрепила бельевую веревку.

– Гарольд! – крикнула Морин, перекрывая шум пылесоса. – Почта!

Ему подумалось, что неплохо было бы выйти подышать, но, кроме стрижки лужайки, заняться было нечем, а это он сделал еще вчера. Рев пылесоса захлебнулся и стих. Вошла жена с недовольным видом, неся в руках какое-то письмо, и села напротив.

Морин была худошавая, с аккуратной серебристо-седой стрижкой и энергичной походкой. Когда они только познакомились, для Гарольда не было большей радости, чем рассмешить ее, сокрушить эту опрятную чинность, вовлекая в приступ безудержного веселья.

– Это тебе, – сказала она.

До него дошел смысл ее слов, лишь когда она по столу пододвинула к самому его локтю конверт, и оба уставились на письмо, словно никогда ничего подобного не видели. Конверт был розовый.

– Штемпель Берика-на-Твиде.

В Берике никто из знакомых не жил. Впрочем, и в других местах их жило немного.

– Ошиблись, наверное...

– Вряд ли. Штемпель неправильно не поставят.

Она взяла с решетки гренок. Морин любила остывшие и хрустящие. Гарольд принялся рассматривать загадочный конверт. Оттенок бумаги не имел ничего общего с их ванной комнатой, с подобранными под цвет полотенцами и махровым чехлом на крышке унитаза. Среди их жизнерадостной розовости Гарольд ощущал себя посторонним. А здесь тон был понежнее, как у рахат-лукума. Его имя и адрес были написаны от руки кое-как, неуклюжими слипшимися буквами, словно их впопыхах накорябал ребенок: «М-ру Г. Фраю, 13, Фоссбридж-роуд, Кингсбридж, Саут-Хэмс». Гарольд не узнавал почерка.

– Ну? – поторопила Морин, подавая нож.

Гарольд приставил острие к углу конверта и вспорол его по сгибу.

– Аккуратнее! – остерегла жена.

Под ее пристальным взглядом он извлек из конверта письмо и нацепил очки для чтения. Послание было отправлено из неизвестного ему учреждения – хосписа святой Бернадины.

«Дорогой Гарольд, ты, вероятно, удивишься, получив мое письмо...»

Он глянул в конец страницы.

– Ну? – нетерпеливо переспросила Морин.

– Боже ты мой! Это же от Куини Хеннеси...

Морин подцепила ножом кусочек масла и стала намазывать на гренок.

– От какой Куини?

– Работала у нас на пивоварне. Давно. Ты разве не помнишь?

Морин пожала плечами.

– С какой стати? Не понимаю, почему я должна всех помнить. Ты не подашь мне варенье?

– В финансовом отделе работала. Очень хорошая женщина.

– Гарольд, это повидло. Варенье красное. Ты знаешь, если смотреть перед тем, как брать что-нибудь, толку будет больше.

Гарольд подал ей требуемое и вернулся к чтению. Превосходно оформлено, не то что надпись на конверте. Он улыбнулся, вспомнив, что в этом была вся Куини: любое дело, за какое бы она ни бралась, она выполняла так аккуратно, что не придерешься.

– А она тебя помнит. Передает тебе привет.

Морин поджала губы.

– По радио говорят, что французы полюбили наш хлеб. У них, видите ли, не умеют его нарезать как следует. Вот они и едут к нам и скупают его подчистую. Сказали, что к лету жди дефицита. – Помолчав, она спросила: – Гарольд, в чем дело?

Он не ответил. Выпрямившись и сильно побледнев, он лишь беспомощно приоткрыл рот, а когда собрался с духом, его голос прозвучал совсем тихо, словно издалека:

– У нее... рак. Куини написала, чтобы попрощаться.

Гарольд силился еще что-то добавить, но не мог подобрать слов. Вытащив из кармана носовой платок, он высморкался.

– Я... Ах, черт!

На глаза его набежали слезы. Нарушив молчание, грозившее затянуться на несколько минут, Морин шумно сглотнула и сказала:

– Очень жаль.

Гарольд кивнул, не в силах поднять на нее глаз.

– Погожее сегодня утро, – начала Морин. – Вынеси-ка летние стулья во дворик.

Но Гарольд сидел неподвижно и упорно молчал. Морин собрала грязную посуду, и вскоре в прихожей вновь взвыл пылесос.

Гарольд чувствовал, что задыхается. Он боялся, что стоит ему сдвинуться с места, даже просто пошевелиться, как лавина чувств, которую он из последних сил сдерживает в себе, хлынет наружу. Как же так вышло, что за эти двадцать лет он ни разу не попытался разыскать Куини Хеннесси? Ему живо представилась невысокая темноволосая женщина, с которой они когда-то вместе работали и которой теперь – уму непостижимо – сколько же? Шестьдесят? И она умирает от рака в Берике. «Куда забралась», – подумалось Гарольду. Так далеко на север он ни разу не ездил. Он выглянул в сад и обратил внимание на пластиковую ленточку, зацепившуюся за лавровый куст изгороди. Ее трепал ветерок, но оторваться она никак не могла. Гарольд спрятал письмо в карман брюк, дважды хлопнул по нему для надежности и встал из-за стола.

Морин наверху тихо прикрыла за собой дверь спальни Дэвида и постояла, вдыхая его запах. Затем раскрыла синие шторы, которые всегда задегивала на ночь, и проверила, не скопилась ли пыль на кромке тюля, касавшейся подоконника. Протерла посеребренные рамки выпускной кембриджской фотографии Дэвида и еще одной рядом, черно-белой, снятой во младенчестве. Морин поддержала в этой комнате порядок, потому что постоянно ждала сына и не знала, когда именно он вернется. Какой-то частью души она не переставала надеяться. Мужчинам невдомек, что значит быть матерью. За ребенка всегда переживаешь и любишь ничуть не меньше, даже когда он уже взрослый. Она вдруг вспомнила про Гарольда, про его розовое письмо и пожалела, что не может сейчас поговорить с сыном. Морин вышла из спальни так же неслышно, как и вошла, и отправилась снимать белье с постелей.

Гарольд Фрай вынул из ящика буфета несколько листов «Базилдон бонда»² и выбрал одну из шариковых ручек Морин. Но какие слова подыскать для умирающей от рака женщины? Ему хотелось донести до нее, как сильно он сострадает ей, но написать «соблезную», как

---

² «Базилдон бонд» – фирменное название высококачественной почтовой бумаги.

на открытках из магазина, высылаемых уже после, так сказать, прискорбного события, было бы неуместным. К тому же казалось слишком формальным, будто отписка с его стороны.

Гарольд вывел было: «Дорогая мисс Хеннесси, от всей души надеюсь, что Ваше состояние улучшится», но, отложив ручку и внимательно перечитав послание, ощутил всю его неловкость и фальшь. Он скомкал лист и начал снова. Гарольд никогда не блистал красноречием, а теперь его чувства были столь безмерны, что трудно было выразить их в словах, но даже если бы это ему удалось, вряд ли пристало обращаться с ними к человеку, которому за двадцать лет не написал ни строчки. Вот если бы Куини оказалась на его месте, она бы точно не сплеховала.

– Гарольд!

Оклик жены застал его врасплох: он думал, что Морин наверху, начищает что-нибудь или разговаривает с Дэвидом. Она так и не сняла резиновых перчаток.

– Пишу Куини весточку.

– Весточку?

Морин частенько повторяла за ним слова.

– Да. Подпишешь от себя?

– Думаю, не стоит. Наверное, это будет слишком – подписываться под посланием незнакомому человеку.

Хватит беспокоиться об изяществе слога. Нужные слова сами собой сложились в его голове в простой текст: «Дорогая Куини, спасибо за письмо. Очень тебе сочувствую. Твоим С наилучшими пожеланиями, Гарольд (Фрай)». Немного пресно, но сойдет. Вложив листок в конверт, он быстро его запечатал и надписал сверху адрес хосписа святой Бернадины.

– Сбегаю к почтовому ящику.

Часы показывали одиннадцать. Гарольд снял непромокаемую куртку с крючка, куда просила ее вешать Морин. Из двери в нос ему ударило теплым просоленным воздухом, но не успел Гарольд переступить левой ногой через порог, как рядом возникла жена.

– Ты надолго?

– Только туда и обратно.

Она неотрывно глядела на него зелеными, болотного оттенка глазами, приподняв хрупкий подбородок. Ему захотелось сказать ей что-нибудь, но он не нашелся, что именно, – по крайней мере, чтобы что-то изменить по существу. Как хорошо было бы обнять ее, как в прежние времена, положить голову ей на плечо и так замереть.

– Пока, Морин!

И осторожно, чтобы не хлопнуть, он закрыл за собой входную дверь.

Дома по Фоссбридж-роуд, выстроенные на холме, занимали, как любили отмечать агенты по продаже недвижимости, возвышенное положение, откуда открывался вид на весь Кингсбридж и даже на его окрестности. Их палисадники тем не менее сбегали под уклон под чересчур заметным углом, и растения в них так отчаянно цеплялись за бамбуковые подпорки, словно от этого зависела их жизнь.

Гарольд спустился по крутой бетонной дорожке к тротуару куда поспешнее, чем ему хотелось, заметив по пути пять новых проросших одуванчиков. Может, после обеда стоит обработать «Раундапом»³. Все же какое-то занятие...

Сосед, едва заметив Гарольда, помахал ему и направился к смежной изгороди. Рекс был невысоким человечком с аккуратными ножками, маленькой головой и шарообразным туловищем посередине. Гарольд иногда всерьез опасался, что, если Рекс ненароком упадет, его будет невозможно остановить и он, словно бочонок, покатится с откоса. Рекс уже полгода,

---

³ «Раундап» – гербицид, производства компании «Монсанто».

как овдовел – примерно тогда же, когда Гарольд вышел на пенсию. После смерти Элизабет он то и дело заводил беседы о том, как тяжела жизнь, и мог вести их часами.

«Надо хотя бы выслушать человека», – говорила мужу Морин, хотя Гарольд не мог понять, имела ли она в виду под этим «надо» его самого или вообще кого угодно.

– На прогулку? – уточнил Рекс.

Гарольд выбрал для ответа шуточный тон, безотказный, по его мнению, в тех случаях, когда не было времени и желания застревать надолго.

– Вам ничего не надо отправить, старина?

– Мне никто не пишет. С тех пор, как не стало Элизабет, мне шлют одни рекламки.

Он устремил взгляд в пространство, и Гарольд тут же смекнул, какой оборот обещает принять разговор. Он перевел глаза на небо, подернутое тончайшей, словно папиросная бумага, облачной дымкой.

– Чудесная выдалась погода.

– Чудесная, – согласился Рекс.

Он помолчал и, чтобы заполнить паузу, вздохнул.

– Элизабет любила солнышко.

Снова помолчали.

– Удачный день для косьбы, Рекс.

– Очень даже удачный. Вы, Гарольд, отправляете траву на компост? Или мульчируете?

– От мульчирования, мне кажется, мусора многовато. И к обуви липнет, а Морин не любит, если я вдруг натопчу в доме.

Гарольд посмотрел на свои тапочки для парусного спорта и мысленно спросил себя, зачем их носить тому, кто вовсе не собирается ходить под парусом.

– Ну, ладно, мне пора. Хочу успеть к полдневной выемке.

И, помахивая конвертом, Гарольд вышел на тротуар.

Он впервые в жизни почувствовал разочарование оттого, что почтовый ящик замаячил впереди слишком скоро. Гарольд попробовал с ним разминуться, перейдя на другую сторону улицы, но ящик никуда не делся и по-прежнему ждал его на углу Фоссбридж-роуд. Гарольд поднес к прорези письмо к Куини и отчего-то замешкался. Он обернулся и понял, до чего же короток оказался проделанный путь.

Оштукатуренные особнячки на их улице различались оттенками желтого, розового и голубого. У некоторых еще с пятидесятих годов сохранились островерхие крыши с декоративными перекладинами, образующими полусолнце, другие обзавелись крытыми шифером надстройками, третьи претерпели полную реконструкцию в стиле швейцарских шале. Гарольд с Морин переехали сюда сорок пять лет назад, как только поженились. На первый взнос ушли все его сбережения, не осталось даже на покупку мебели и штор. Они не заводили близких знакомств, одни соседи постепенно сменялись другими, а Гарольд с Морин как жили, так и жили. Когда-то они держали овощные грядки, а рядом с домом вырыли декоративный пруд. Каждое лето готовили чатни⁴, а Дэвид разводил серебристых карасей. Позади дома стоял пахнущий удобрениями сарай, в котором на высоких крюках висели садовые инструменты, мотки шпагата и веревки. Но и от них давным-давно ничего не осталось. Даже школу сына, до которой от их порога было рукой подать, теперь срыли бульдозером и на ее месте возвели район недорогого жилья – полсотни кричаще-ярких разноцветных домиков, освещаемых уличными фонарями в духе георгианских газовых рожков.

---

⁴ Чатни – индийская кисло-сладкая приправа из фруктов и овощей.

Гарольд мысленно вернулся к своему посланию к Куини и устыдился его жалких слов. Он представил себе, как сейчас вернется домой, где Морин зовет к себе Дэвида и где ничего не поменялось, кроме того, что Куини умирает в Берике, и его словно захлестнуло волной. Письмо застыло в темной пасти почтового ящика. Гарольд не мог просто так с ним расстаться.

– В конце концов, – вслух проговорил он, хотя поблизости не было ни души, – день сегодня отличный.

Никаких дел у него нет. Вполне можно прогуляться и до соседнего. И, чтобы не передумать, Гарольд поспешно свернул с Фоссбридж-роуд.

К скоропалительным решениям Гарольд не привык. Это сразу пришло ему на ум. После выхода на пенсию дни тянулись за днями, не принося никаких изменений – он только раздался в талии да лысел понемногу. Ночами он спал неважно, а то и вовсе не мог уснуть. Однако, внезапно для себя очутившись у очередного столбика с почтовым ящиком, Гарольд вновь помедлил. Происходило что-то непонятное, а что, он и сам не мог понять, но, раз начав, уже не хотел останавливаться. На лбу выступили капельки пота, и кровь быстрее бежала по жилам от предвкушения. Если дойти сейчас до почтового отделения на Фор-стрит, то раньше завтрашнего дня его письмо не уйдет.

Гарольд двинулся дальше по улицам нового квартала. Солнце припекало ему затылок и плечи. Украдкой он бросал взгляды на окна домов и в некоторых не видел никого, а из других люди сами глазели на него, и Гарольд, чувствуя неловкость, торопился побыстрее пройти мимо. Порой в окнах он подмечал какой-нибудь неожиданный предмет: фарфоровую статуэтку, вазочку или даже тубу – доверчивые подобию самих жильцов, сторожевые вешки, выставленные ими на границе с внешним миром. Гарольд попытался представить себе, что узнает о них с Морин посторонний, проходящий мимо дома номер тринадцать по Фоссбридж-роуд, и с удивлением обнаружил, что из-за тюля на окнах не видно почти ничего. Он направился к пристани, ощущая подергивание в бедренных мышцах.

На море был отлив. Ялики, завалившись набок и обнажив просмоленные днища, торчали среди черной жижи, напоминая лунный ландшафт. Гарольд доковылял до свободной скамейки, потихоньку вынул из кармана письмо от Куини и развернул его.

Она помнила его. Все эти годы. А он жил себе и жил, как будто ее поступок ничего для него не значил. Он не попытался переубедить ее, не разыскал, даже не попрощался. Небо и пристань вдруг слились в одно туманное пятно: глаза Гарольда вновь наполнились слезами. Постепенно перед ним проступили расплывчатые очертания молодой женщины с ребенком. Оба держали перед собой что-то наподобие факелов – вероятно, рожки с мороженым. Женщина приподняла сынишку и усадила его на дальний конец скамейки.

– Хорошая погодка, – заметил Гарольд, опасаясь, как бы его плаксивый голос не приняли за старческую слабость.

Женщина ничего не ответила, даже не посмотрела на него. Склонившись к детскому кулачку, она слизала с рожка глянцеви́тый потек от растаявшего мороженого. Малыш тихо и сосредоточенно наблюдал, почти слившись с ней личиком в единое существо.

Гарольд попытался припомнить, доводилось ли ему сидеть с Дэвидом на набережной и есть мороженое. Он не сомневался, что такое наверняка бывало, но, перетряхивая память, он убедился, что не так-то просто извлечь оттуда что-то подобное. Пора идти. Надо отправить письмо.

Канторские служащие хохотали, расположившись с пивными кружками у паба «Старая гавань», но Гарольду не было до них никакого дела. Одолевая крутой подъем Фор-стрит, он размышлял о матери, настолько поглощенной своим сынишкой, что она ничего не замечала вокруг. Ему вдруг подумалось, что Морин, а не он разговаривает с Дэвидом и пересказывает ему все семейные новости. Морин и раньше писала сыну от имени их обоих и подписывалась за Гарольда («Папа») на поздравительных открытках. И опять же Морин подыскала дом пре-

старелых для отца Гарольда. Сам собой напрашивался вывод, – это пришло ему в голову, когда он нажимал кнопку перехода-«пеликана» – не она ли, в сущности, и есть сам Гарольд.

«Кто же тогда я?»

Он, не задерживаясь, прошел мимо почтового отделения.

2. Гарольд, девушка с автозаправки и вопрос веры

Гарольд почти добрался до верхней оконечности Фор-стрит. Миновал здание закрытого ныне «Вулворта»⁵, злого мясника («Он бьет свою жену», – утверждала Морин), доброго мясника («От него ушла жена»), часовую башню, городскую бойню, за ней конторы «Саут-Хэмс газет» и очутился у последнего на улице магазинчика. Икры ног ныли при каждом шаге. Устье реки у него на спине сияло на солнце, словно начищенный оловянный лист, яхты издали походили на белые крапинки. У бюро путешествий Гарольд задержался, чтобы, не привлекая внимания, перевести дух, и встал у витрины, притворившись, будто интересуется горящими турами. Бали, Неаполь, Стамбул, Дубай... Его мать когда-то с упоением мечтала, как чудесно было бы сбежать в те страны, где растут тропические деревья, а женщины втыкают в волосы цветы, поэтому уже ребенком он подсознательно перестал доверять незнакомому миру за привычными пределами. Ничего, в принципе, не изменилось с тех пор, как он женился на Морин и у них родился Дэвид. Каждый год они отправлялись в Истборн и проводили две недели на одной и той же базе отдыха. Вдохнув несколько раз поглубже, чтобы унять сердцебиение, Гарольд направился дальше, на север.

Магазинчики сменились жилыми домами, выстроенными из розовато-серого девонширского камня. Некоторые были окрашены, другие облицованы плиткой и снабжены аппендиксами задних пристроек. Набирали цвет магнолии; их нарядные белые звездочки сидели прямо на голых, будто общипанных, ветках. Был уже час дня: к полуденной выемке он опоздал. Надо купить что-нибудь и заморить червячка, а потом уже искать ближайший почтовый ящик. Выждав промежуток в потоке машин, Гарольд перешел на другую сторону, к автозаправочной станции, где дома кончались и дальше расстилались поля.

За кассой зевала девушка. На табличке ее красного халата, накинутого поверх футболки и брюк, значилось: «Рады помочь». Немытые волосы сосульками свисали по обеим сторонам ее лица, сквозь них торчали уши, а угреватая кожа была до того бледной, словно девушку долго держали взаперти. Гарольд спросил, есть ли у нее легкие закуски, но девушка не знала, что это такое. Она приоткрыла рот, да так и застыла, забыв его захлопнуть. Гарольд даже обеспокоился, как бы перемена ветра не вынудила ее и дальше стоять за прилавком с разинутым ртом.

– Что-то перекусить, – пояснил он. – Чтобы утолить голод.

В ее глазах мелькнула искра понимания:

– А, вам гамбургер!

Она сонно потащила к холодильнику и показала Гарольду, как разогреть в микроволновке «Барбекю чиз бист» с картофелем фри.

– Скажите на милость! – удивился Гарольд, глядя вместе с девушкой, как гамбургер вращается за стеклом в контейнере. – Я и не подозревал, что на заправке можно нормально поесть.

Девушка вынула гамбургер из микроволновки и подала Гарольду пакетика с кетчупом и соевым соусом.

– За бензин сразу посчитать? – спросила она, неспешно вытирая маленькие, словно детские, ручки.

– Нет-нет, я так, случайно зашел. Я пешком.

– А, – произнесла она.

– Иду отправить письмо одной моей давней знакомой. К несчастью, выяснилось, что у нее рак.

---

⁵ «Ф. У. Вулворт» – филиал американской торговой компании, владеющей однотипными универсальными магазинами во многих городах Великобритании.

Гарольд вдруг осознал, что не смог с ходу выговорить ужасное слово и даже понизил перед ним голос. Более того, пальцами он изобразил неопределенного вида комочек. Девушка кивнула.

– У моей тети был рак, – сказала она. – Я просто хочу сказать, что он повсеместно.

Она пробежалась глазами по магазинным полкам, словно давая понять, что рак притаился даже за атласами автодорог и полиролью «Тертл Вакс».

– Но вы все равно должны надеяться на лучшее.

Гарольд перестал жевать гамбургер и промокнул рот бумажной салфеткой.

– На лучшее?

– Нужно верить. Я так считаю. Медицина и всякие лекарства тут ни при чем. Просто нужно верить, что человеку полегчает. Человеческий разум на такое способен, что и представить невозможно. В общем, если у вас есть вера, для вас нет ничего невозможного.

Гарольд благоговейно воззрился на девушку. Неведомо как, но она вдруг оказалась в полосе света, словно солнце нарочно передвинулось на нее, ее лицо и волосы озарились ярким сиянием. Вероятно, он смотрел чересчур пристально, потому что девушка пожала плечами и прикусила нижнюю губу.

– Я болтаю ерунду, да?

– Что вы, что вы! Вовсе нет. Наоборот, так интересно. Но я, видите ли, как-то всегда был не в ладах с религией.

– Тут дело не в религии. Я хотела сказать – верить в то, что вы не до конца понимаете, и добиваться любой ценой. Не сомневаться, что можете изменить что-то очень важное.

Она намотала на палец прядь волос. Гарольду пришло в голову, что он еще ни разу не встречался с такой простодушной убежденностью, к тому же у столь юной особы; ее доводы показались ему неопровержимыми.

– И что, ей полегчало? Вашей тете? Потому что вы на это надеялись?

Девушка так быстро накручивала на палец колечко из волос, будто оно невзначай прилипло к коже.

– Она сказала, что одна только эта надежда ее и поддерживала...

– Здесь работает хоть кто-нибудь? – выкрикнул у прилавка человек в светлом полосатом костюме.

Он брэнчал о прилавок ключами от машины, хронометрируя потраченное впустую время. Девушка вернулась к кассе, где «полосатый» демонстративно поглядывал на часы. Он поднял руку, согнув запястье, и ткнул в циферблат:

– Через полчаса я уже должен быть в Эксетере!

– Бензин? – спросила девушка, занимая привычное место перед стеллажом с сигаретами и лотерейными билетиками.

Гарольду хотелось еще раз встретиться с ней взглядом, но она больше не смотрела в его сторону, снова поскучнев и потускнев, как будто никакого разговора о тете между ними не было и в помине.

Гарольд оставил деньги за гамбургер на прилавке и направился к двери. Вера? Кажется, так она сказала? Гарольд нечасто слышал это слово, и звучало оно удивительно. И хотя он не знал в точности, что девушка понимает под верой и осталось ли в мире хоть что-нибудь, во что верит он сам, все же она права. Это слово резонировало в его мозгу с ошеломляющей настойчивостью. В свои шестьдесят пять он уже успел почувствовать приближение осложнений: плохо гнущиеся суставы, занудный звон в ушах, слезящиеся от малейшего ветерка глаза, колющие боли в груди – предвестники более опасных недугов. Но откуда нахлынула эта волна чувств, заставившая все тело содрогнуться от притока потаенных сил? Гарольд свернул к шоссе А-381, в который раз дав себе слово, что следующего почтового ящика ни за что не пропустит.

Кингсбридж понемногу оставался позади. Бывшая улица превратилась в односторонний проезд, вскоре лишившийся даже асфальта. Ветки боярышника, усыпанные остроконечными бутончиками и распустившимися пушистыми соцветиями, нависали над ним, образуя подобие туннеля. Гарольду то и дело приходилось отступать прямо в их гущу, спасаясь от проезжавших машин. Среди водителей попадались одиночки, вероятно, служащие, предположил Гарольд, судя по их застывшим физиономиям, будто из них напрочь выдавили всякую способность радоваться. Встречались и женщины с детьми – тоже с признаками усталости на лицах. Даже пожилые пары, вроде него с Морин, казались какими-то оцепенелыми. У Гарольда мелькнула мысль проголосовать, но он ее отбросил. Из-за напряженной ходьбы он дышал с при- свистом, и ему не хотелось лишний раз никого беспокоить.

Позади него раскинулось море, а впереди простирались холмы и голубели вдали очертания Дартмурской возвышенности. А что там, за ними? Блэкдаунские высоты, Мендипова гряда, Малверны, Пеннинские горы, Йоркширский дол, Чевиот и потом Берик-на-Твиде.

Но вот на другой стороне дороги возник почтовый ящик и, в небольшом отдалении от него, телефонная будка. Поход Гарольда на этом заканчивался. Он уже еле волочил ноги. По пути ему встретилось столько ящиков, что он сбился со счета, – и это не считая двух фур- гончиков «Ройял мейл» и рассылного на мотоцикле. Гарольд вдруг подумал о том, сколько всего в жизни он упустил зря. Милые улыбки, дружеские угощения порцией пива, люди и люди без числа – на стоянке у пивоварни, просто на улице – на которых он даже не взглянул. Бывшие соседи, новые адреса которых он не удосужился сохранить. Хуже того, сын, не желающий с ним разговаривать, и жена, чьих надежд он не оправдал. Гарольд вспомнил и отца в доме престарелых, и чемодан матери у дверей. А теперь, через двадцать лет, напомнила о себе женщина, поступившая когда-то как настоящий друг. Выходит, вот как оно бывает? В тот самый момент, когда он решил что-то изменить, оказывается, что уже слишком поздно? И жизнь в конечном счете придется сдать без боя, все равно ведь ее обломки, сказать по правде, ничего не стоят? Осознание собственной беспомощности навалилось на Гарольда тяжким грузом, и он разом ослабел. Нет, просто послать письмо недостаточно. Надо найти способ изменить что-то гло- бально. Он принялся нащупывать мобильник и тут же понял, что оставил его дома. С посмур- невшим лицом, нетвердой походкой Гарольд вышел на дорогу.

Рядом завизжали тормоза, и микроавтобус вильнул в сторону. «Раздолбай хренов!» – выкрикнул водитель, но Гарольд его не слышал. Он невидящим взглядом скользнул по почто- вому ящику и, достав письмо от Куини, поспешно открыл дверь телефонной будки.

На конверте он отыскал адрес и телефон, но его пальцы так тряслись, что ему едва удалось нажать нужные кнопки, вводя свой пин-код. Наконец из тягостного безмолвия до него донесся тональный сигнал. Меж лопаток Гарольда стекала струйка пота.

После десяти гудков раздался щелчок, и женский голос с заметным акцентом ответил:

– Хоспис святой Бернадины. Добрый день.

– Будьте добры, я хотел бы поговорить с одной пациенткой. Ее имя – Куини Хеннесси.

В трубке молчали. Гарольд добавил:

– Это очень срочно. Мне нужно убедиться, что с ней все хорошо.

Женщина издала непонятный звук, очень похожий на долгий вздох. Гарольд похолодел: Куини умерла, слишком поздно. Он приставил стиснутый кулак ко рту.

Голос произнес:

– Сожалею, но мисс Хеннесси сейчас спит. Передать ей что-нибудь?

По земле стремительно неслись легкие тени от облачков. Над далекими холмами висела светлая дымка – не сумерки, а следствие необъятности расстояния. Гарольд представил, как Куини дремлет сейчас на одной оконечности Англии, а сам он стоит на другой, в телефонной будке, а также все, что их разделяет, пока неизведанное и о чем можно только догадываться: дороги, поля, реки, леса, болота, горы и доли, и множество людей. Со всеми ими ему еще

предстоит повстречаться на пути. Он ничего не обдумывал наперед и не рассуждал. Решение пришло само, вместе с картиной, возникшей в его воображении, и Гарольд даже рассмеялся его внешней простоте.

– Скажите ей, что Гарольд Фрай уже в пути. Ей теперь нужно только ждать. Понимаете, я иду ее спасти. Я буду идти и идти, а она пусть живет. Передадите?

Голос пообещал. Может быть, еще что-нибудь? Знает ли он часы приема, ограничения для парковки?

Гарольд повторил:

– Я не на машине. Я хочу, чтобы она жила.

– Простите, вы что-то сказали о вашей машине?

– Я иду пешком. Из Южного Девона до самого Берика-на-Твиде.

Послышался беспомощный вздох:

– Ужасная связь... Куда вы идете?

– Пешком! – заорал он в трубку.

– Ясно, – неторопливо произнесла женщина, словно делая себе на листке пометку. – Пешком. Я ей скажу. Еще что-нибудь передать?

– Я отправляюсь прямо сейчас. Пока я в пути, она должна жить. Пожалуйста, передайте ей, что на этот раз я ее не подведу.

Гарольд повесил трубку и вышел из кабинки. Сердце в груди колотилось так, словно оно слишком разрослось и ему не хватает там места. Дрожащими руками Гарольд отклеил клапан конверта и вынул листок с ответом. Приставив его к стеклянной стене кабинки, он наспех черкнул постскрипту: «Жди меня. Г.» – и опустил письмо, тут же забыв об его существовании.

Он пристально посмотрел на ленту убегавшей вдаль дороги, на суровую стену Дартмурской возвышенности, потом перевел взгляд на свои тапочки для парусного спорта и задался вопросом, что же такое, черт побери, он только что натворил.

Над его головой захохотала и захлопала крыльями чайка.

3. Морин и телефонный звонок

У солнечного дня имелись свои выгодные стороны: на свету лучше проступала пыль, а выстиранное белье сохло едва ли не быстрее, чем в сушильном барабане. Морин уже вымыла, вытерла и отполировала до блеска все поверхности в доме, истребив на них любые живые микроорганизмы. Она успела постирать и высушить простыни, нагладила их и перестелила постели – свою и Гарольда. Какое облегчение, что муж в это время не путался под ногами: за полгода, как он вышел на пенсию, он почти не выходил из дома. Но свершив наконец все подвиги по хозяйству, Морин вдруг забеспокоилась, а потом и встревожилась. Она позвонила Гарольду на мобильник, но знакомые переливы маримбы донеслись с верхнего этажа, а вслед за ними – его запинаящийся голос на автоответчике: «Вы звоните на сотовый телефон Гарольда Фрая. Очень сожалею, но... он не может сейчас подойти». Долгая пауза посреди фразы наводила на мысль, что Гарольд отлучался за самим собой.

Часы показывали начало шестого. Непредсказуемость была не в характере Гарольда. Даже привычные звуки – тиканье часов в прихожей, гудение холодильника – раздавались в доме громче, чем всегда. Куда же он подевался?

Морин хотела отвлечься разгадыванием кроссворда в «Телеграфе»⁶, но оказалось, что Гарольд уже вписал туда все легкие ответы. Неожиданно у нее промелькнула ужасная мысль. Морин представила себе, как Гарольд лежит посреди дороги с отверстым ртом. Такое бывало: у людей случался сердечный приступ, и их потом разыскивали по нескольку дней. Или, может, в конце концов подтвердились ее тайные опасения. Неужели Гарольд, вслед за своим отцом, не избежал Альцгеймера? Тот умер, не дожив и до шестидесяти. Морин кинулась за ключами от машины, на ходу всовывая ноги в туфли для вождения.

А затем ей пришло на ум, что Гарольд, быть может, задержался с Рексом. Обсуждают, наверное, стрижку газона или погоду. Смешной он все-таки, Рекс... Морин снова поставила туфли у входной двери, а ключи повесила обратно на крючок.

Затем она тихо отворила дверь в комнату, за годы супружества получившую название «лучшей». Входя в нее, Морин всякий раз не могла отделаться от ощущения, что хорошо бы накинуть кардиган. Когда-то здесь стоял большой стол и четыре стула с мягкими сиденьями; каждый вечер в комнате ужинали за бокалом вина. Все это лет двадцать как миновало. Стол теперь убрали, а на книжных полках пылились альбомы с фотографиями, которые никто не раскрывал.

– Где ты? – вслух спросила она.

Тюль на окнах создавал преграду между Морин и остальным миром, лишая его цвета и плоти, и она была этому только рада. Солнце уже клонилось к закату. Скоро должны зажечься фонари.

Зазвонил телефон. Морин бросилась в прихожую и рывком сняла трубку.

– Гарольд?

Долгое молчание.

– Это Рекс, Морин. Ваш сосед.

Морин стала беспомощно озираться. В спешке она оступилась, наткнувшись на какой-то угловатый предмет, вероятно, забытый на полу Гарольдом.

– Что случилось, Рекс? У вас опять закончилось молоко?

– Гарольд дома?

– Гарольд?

---

⁶ Британская газета «Дейли телеграф».

В голосе Морин сама собой пробилась визгливая нотка. Если он не с Рексом, то где же тогда?

– Да, конечно, дома, – ответила она тоном, совершенно ей не свойственным – надменно-удрученным, точь-в-точь какой был у ее матери.

– Я просто забеспокоился, не случилось ли чего. Я и не видел, как он возвратился с прогулки. Он ходил письмо отправлять.

В ее воображении вспышками пронеслись самые губительные образы: «неотложка», полиция, сама Морин, держащая безжизненную руку мужа, и она не могла решить, нашла ли на нее внезапная дурь или она заранее прокручивает в голове наихудший исход, пытаясь предвидеть возможный удар. Она повторила, что Гарольд дома, и, не дожидаясь новых вопросов, повесила трубку. Ей тут же сделалось совестно. Семидесятичетырехлетний Рекс так одинок. И наверняка хотел, как лучше. Морин уже собралась ему перезвонить, но Рекс ее опередил: телефон затрещивал прямо в руках Морин. Она ответила как можно невозмутимее:

– Рекс, добрый вечер.

– Это я...

Невозмутимый голос Морин сорвался на крик:

– Гарольд?! Ты где?

– Я на шоссе В-3196. У трактира в Лоддисвелле, – сообщил он на удивление довольным голосом.

От их дома до Лоддисвелла было почти пять миль. Значит, никакого приступа с ним не случилось, он не упал на дороге и не забыл, кто он такой. Возмущение Морин перевесило облегчение. Впрочем, почти сразу у нее забрезжила догадка:

– Ты там не пьешь случайно?

– Выпил лимонаду и чувствую себя превосходно. Давненько мне не было так хорошо. Я тут познакомился с отличным парнем, он продает спутниковые тарелки.

Он умолк, как будто готовясь сообщить нечто судьбоносное.

– Морин, я дал зарок идти. Пешком до Берика.

Она решила, что ослышалась.

– Пешком? До Берика-на-Твиде? Ты?

Гарольда ее вопросы почему-то ужасно развеселили.

– Да! Да! – фыркнул он в трубку.

У Морин пересохло в горле, а ноги едва не подкосились. С трудом обретая дар речи, она произнесла:

– Я что-то не до конца понимаю... Ты идешь навестить Куини Хеннеси?

– Я пойду туда пешком, и тогда она выживет. Так я ее спасу.

Колени у Морин сами собой подогнулись, и она поспешно оперлась ладонью о стенку.

– Вряд ли. Ты никого не можешь спасти от рака, Гарольд. Если только ты не хирург. Ты и хлеб-то не режешь, а больше крошишь. Просто смешно слушать.

Гарольд снова рассмеялся, как будто они говорили не о нем, а о ком-то постороннем.

– Я тут пообщался с девушкой с автозаправки – это она подала мне идею. Она-то как раз поверила, что ее тетя вылечится от рака, и та вылечилась! А еще она показала мне, как разогревать гамбургер. Представь себе, с корншонами!

Гарольд так рьяно убеждал ее, что совершенно обескуражил. Морин даже бросило в жар.

– Гарольд, тебе уже шестьдесят пять. Ты дальше своей машины никуда не ходишь. И еще, если ты случайно не заметил, ты забыл дома мобильник.

Он хотел что-то ответить, но Морин не дала себя перебить:

– И где ты вообще собираешься ночевать?

– Не знаю. – Он больше не смеялся, а голос его заметно потускнел: – Но просто отправить ей письмо слишком мало. Прошу тебя, мне это очень нужно, Морин...

То, что Гарольд так по-детски упрашивает ее и в конце даже назвал по имени, будто оставляя за Морин право выбора, хотя он уже все для себя решил, переполнило чашу ее терпения. Она вскипела:

– Значит, Гарольд, ты направляешься в Берик. Что ж, раз тебе так приспичило... Хотела бы я посмотреть, как ты будешь одолевать Дартмур.

В трубке резко зашипело, и Морин крепче стиснула ее в руке, словно цепляясь за самого Гарольда.

– Гарольд! Ты сказал, ты в трактире?

– Нет, в телефонной будке. Ну тут и вонища! Наверное, кто-то тут...

Его голос умолк. Все стихло.

Морин кое-как добралась до кресла в прихожей. Безмолвие в доме оглушило ее, как будто Гарольд и вовсе не звонил. Оно поглотило остальные звуки, и больше не было слышно ни тиканья часов, ни шума от холодильника, ни пения птиц в палисаднике. Морин ворочала в мозгу слова: Гарольд, гамбургер, пешком, пока среди них не высунулось еще два: Куини Хеннеси. Столько лет прошло... Где-то на самом дне встрепенулось давным-давно схороненное воспоминание.

Морин просидела так до темноты, пока вдали на холмах не зажглись фонари, сочась неоновом, стекавшим в янтарные озерца во мраке ночи.

4. Гарольд и постояльцы гостиницы

Гарольд Фрай был долговязый человек, шагавший по жизни, втянув голову в плечи, как будто опасался удариться головой о низкую притолоку или получить щелчок бумажным катышком, запущенным неизвестным злоумышленником. Когда он появился на свет, мать посмотрела на врученный ей сверток и пришла в ужас. Она была совсем молода, ее губки напоминали бутон пиона, а муж, до войны представлявшийся сущей находкой, впоследствии ей таким уже не казался. Никакого ребенка она не хотела и не знала, что с ним делать. Мальчик скоро сообразил: чтобы как-то удержаться на плаву, надо оставаться в тени, притвориться, будто тебя тут и вовсе нет. Иногда он играл с соседскими детьми, но больше подглядывал за ними исподтишка. В школе Гарольд так старательно тушевался, что часто сходил за тупицу. Уйдя в шестнадцать лет из дому, он начал самостоятельную жизнь, пока однажды вечером на танцах не встретился глазами с Морин и не влюбился без памяти. В Кингсбридж молодоженов привела работа в пивоваренной компании.

Сорок пять лет Гарольд проработал в одном и том же качестве – агента по сбыту. Он никогда не выставялся, работу свою выполнял незаметно, но добросовестно, не добиваясь ни внимания начальства, ни продвижения по службе. Его товарищи по работе не отказывались от коммивояжерства и от высоких должностей, а Гарольд был доволен тем, что есть. Он так и не завел себе ни друзей, ни врагов, а перед выходом на пенсию попросил не устраивать торжественных проводов. Одна девушка из управления все же предложила быстренько устроить по этому случаю складчину, но лишь немногие в коллективе близко общались с Гарольдом. Кто-то припомнил, будто однажды он попал в какой-то переплет, но в чем суть дела, никто не знал. Последний его рабочий день выпал на пятницу, и, вернувшись домой, Гарольд мог предъявить жене в качестве поощрения за многолетний, занявший большую часть жизни труд лишь богато иллюстрированный «Путеводитель автолюбителя по Великобритании» и ваучер для покупок в «Трэшерс»⁷. Книгу поставили в «лучшей» комнате на полку рядом с прочими ненужными вещами, на которые никто не удосуживался даже взглянуть. Ваучер так и остался лежать в конверте: Гарольд не брал в рот спиртного.

Он внезапно пробудился от сосущего голода. За время сна матрац не только отвердел, но и успел сползти в сторону, а поперек ковра на полу пролегла полоска света. Что такое Морин сотворила со спальней, если окна оказались на другой стене? И что она сделала с обоями – на них там и сям вдруг появились цветочки? И только тут Гарольд вспомнил, что заночевал в небольшой гостинице к северу от Лоддисвелла и что он идет пешком в Берик, чтобы Куини Хеннеси могла жить дальше.

Гарольд и сам прекрасно отдавал себе отчет в том, что его затея грешит массой непродуманных деталей. У него не было ни подходящей обуви, ни компаса, не говоря уже о карте или смене белья. Хуже всего в его походе, как ни странно, дело обстояло с самим походом. Гарольд не подозревал, что предпримет его, пока не пустился в путь. И даже если оставить в стороне непродуманные частности, у него не было никакого четкого плана. Девонширские дороги он знал неплохо, поэтому решил просто-напросто держать курс на север.

Гарольд взбил обе подушки и, опершись о них, сел на кровати. Левое плечо ныло, но в общем и целом он чувствовал себя отдохнувшим. Уже много лет он так хорошо не высыпался, и его не тревожили сны, обычно приходившие к нему под покровом ночи. Стеганое одеяло на постели было сшито из той же цветастой материи, что и шторы, а под старинным обшарпанным сосновым шкафом притулились тапочки для парусного спорта. В дальнем углу

---

⁷ «Трэшерс» – торговая сеть по сбыту алкогольной продукции.

номера размещалась под зеркалом маленькая раковина. На широком кресле, обитом вылинявшим синим бархатом, словно укор, лежали скромной кучкой брюки, рубашка и галстук Гарольда.

Перед глазами вдруг всплыла картина – дом его детства и разбросанные где попало мамины платья. Гарольд и сам не знал, откуда явилось это воспоминание. Он перевел взгляд на окно, пытаясь подумать о чем-то таком, что пресекло бы происки его памяти. Интересно, Куини уже знает, что он идет к ней? Может быть, она как раз сейчас об этом думает...

Позвонив в хоспис, Гарольд пустился преодолевать подъемы и изгибы шоссе В-3196. Непреклонный в своем решении, он миновал множество полей, строений, деревьев, перешел мост через реку Эйвон, а мимо него все это время нескончаемым потоком неслись машины. Ничего из увиденного он конкретно не запомнил, радуясь лишь, что каждая оставшаяся позади вежа сокращает расстояние между ним и Бериком. По пути он иногда делал остановки, чтобы справиться с одышкой. Несколько раз приходилось поправлять обувь и вытирать лоб. В Лоддисвелле он зашел в паб утолить жажду, там-то и разговорился с распространителем спутниковых антенн. Когда Гарольд поведал ему о своем намерении, парень так поразился, что от души хлопнул собеседника по спине и призвал всех в пабе послушать его историю. Гарольд выдал им наикратчайшую версию своего замысла: «Я хочу пересечь пешком всю Англию отсюда и до Берика!» Торговец антеннами восторженно взревел: «Вот молодчина!» – и Гарольд, окрыленный его похвалой, кинулся к телефонной будке позвонить жене.

Как было бы здорово, если бы она повторила те же слова... «Вряд ли...» Морин могла возразить, как отрезать, когда он только еще намеревался что-то сказать.

После разговора с ней шаги его словно отяжелели. Нельзя было упрекать Морин за такое отношение к нему, хоть он ей и муж, но Гарольду все равно было неприятно. Он добрел до небольшой гостиницы с накренившимися пальмами, словно их пригнули к земле береговые ветра, и справился, есть ли свободный номер. Разумеется, он привык спать один, но ночлег в гостинице был для него в новинку; даже пока работал, Гарольд приходил домой еще до темноты. Едва успев лечь и сомкнуть веки, он почти сразу же провалился в забытие.

Гарольд оперся спиной о мягкую спинку кровати, согнул левое колено и, крепко обхватив обеими руками лодыжку, потянул ногу на себя, стараясь не потерять равновесия и не опрокинуться. Для более пристального осмотра он нацепил очки для чтения. Пальцы были гладкими и бледными. Подушечки и места вокруг ногтей на ощупь показались ему слегка чувствительными, а на пятке наметился волдырь, но, принимая в расчет свой возраст и отсутствие тренировки, он испытал тихую гордость за себя. Затем так же неспешно, но тщательно Гарольд обследовал и правую ногу.

– Неплохо, – заключил он.

Немного пластыря, плотный завтрак, и он снова готов в путь. Гарольд представил себе, как сиделка сообщает Куини о его походе и что ей теперь надо жить любой ценой. Перед его глазами вдруг возникло ее лицо, словно Куини сидела прямо напротив: темные глаза, маленький рот, крутые черные кудри. Ее образ поразил Гарольда своей живостью, и его даже удивило, почему он до сих пор в постели. Надо идти в Берик. Гарольд спустил ноги с кровати и энергично встал на ковер.

О-е-ей! Снизу в правую икру выстрелило резкой спазматической болью, словно он наступил на оголенный провод. Гарольд поспешно убрал ногу обратно под одеяло, но так стало еще хуже. Ну и что теперь делать? Подогнуть пальцы? Или ступать только на пятку? Он кое-как вылез из-под одеяла и, пританцовывая и морщась, со стонами проковылял к окну. Морин права: счастье, если он доберется хотя бы до Дартмура.

Уцепившись за подоконник, Гарольд Фрай взглянул на проходящую внизу дорогу. Уже настал утренний «час пик», и машины проносились мимо, устремляясь в сторону Кингсбри-

джа. Гарольду представилось, как на Фоссбридж-роуд жена сейчас готовит завтрак, и у него мелькнула мысль: не вернуться ли домой? Тогда можно будет захватить мобильник, взять с собой кое-какие вещички... Не мешало бы посмотреть в Интернете АА-атлас⁸, заказать в дорогу самое необходимое... И в том путеводителе, что ему подарили к пенсии и который он ни разу не раскрывал, наверняка найдутся полезные рекомендации. Но планирование маршрута подразумевало глубокомысленный подход к делу и отсрочку, а ни на то, ни на другое времени не оставалось. К тому же Морин лишней раз озвучила бы ему ту истину, которую сам Гарольд старательно обходил стороной. Давно прошли времена, когда он мог надеяться на ее помощь, ободрение или иную поддержку в том же духе. Нежная, хрупкая голубизна неба за окном была усеяна белыми хлопьями облачков, золотистое марево заливало верхушки деревьев. Их ветви, омываемые бризом, манили его в дорогу.

Гарольд знал, что стоит ему только вернуться домой и заглянуть в атлас, и он ни в жизнь не тронется в Берик. Он поспешно умылся, оделся, повязал галстук и двинулся на запах бекона.

У дверей комнаты для завтрака он помедлил, надеясь, что никого там не застанет. С Морин они могли часами не проронить ни слова, но ее молчание было сродни стенам, которые никуда не денутся, даже если ты на них практически не смотришь. Гарольд нерешительно взялся за дверную ручку. Ему сделалось неловко оттого, что, проработав много лет на пивоварне, он по-прежнему терялся среди посторонних людей.

Он рывком распахнул дверь. Взглянуть на него обернулись разом столько голов, что Гарольд так и застыл, уцепившись за ручку. В комнате завтракала молодая супружеская пара, судя по одежде, отпускники, две пожилые дамы, обе в сером, и бизнесмен, читавший газету. Оставались незанятыми всего два столика: один в центре, а другой в дальнем углу, рядом с папоротником в горшке на подставке. Гарольд негромко кашлянул.

– Добрейшего вам утречка, – сказал он.

Он и сам не знал, почему так выразился – в нем не было ни капли ирландской крови. Это его бывший босс, мистер Напьер, любил завернуть что-нибудь этакое. В нем ирландской крови тоже не было ни капли, но он любил насмешничать.

Постояльцы гостиницы согласились, что утро и вправду выдалось чудесное, и вновь принялись за свой английский завтрак. Гарольда смутило, что он стоит у всех на виду, но и пристесть без приглашения, по его мнению, было бы неприлично.

Сквозь хлопающие барные створки, над которыми висела ламинированная табличка «Кухня. Не входите», в зал влетела официантка в черной юбке и топике. Ее темно-рыжие волосы были слегка взбиты, как это умеют делать женщины. Морин не утруждала себя укладкой. «Некогда наводить красоту», – ворчала она себе под нос. Официантка подала яйца-пашот дамам в сером и спросила:

– Вам полный завтрак, мистер Фрай?

Гарольд вдруг вспомнил и устыдился: вчера вечером эта самая женщина проводила его до номера. Это ей в порыве восторга и изнеможения он признался, что идет в Берик. Хорошо, если она уже забыла... Он попытался выговорить: «Да, пожалуйста», – но никак не мог заставить себя поднять на нее глаза и дрожащим голосом пролепетал какую-то невнятицу.

Она указала ему на столик в центре зала, которого Гарольду как раз хотелось избежать, и двинувшись к нему, он внезапно сообразил, что странный кислотоватый запах, липнувший к нему еще с лестницы, в действительности исходит от него самого. Ему захотелось немедленно кинуться наверх, в свой номер и хорошенько отскрести себя с ног до головы, но это было бы неучтиво, тем более теперь, когда его пригласили сесть. Он повиновался.

---

⁸ АА – Автомобильная ассоциация.

– Чай? Кофе? – спросила официантка.

– Да, пожалуйста...

– И то и другое? – уточнила она, терпеливо глядя на Гарольда.

Теперь у него появилось целых три повода для беспокойства: даже если женщина к нему не приняховалась и не помнила об его походных настроениях, она могла подумать, что он по старости выжил из ума.

– Будьте любезны чаю, – произнес Гарольд.

К его облегчению, официантка кивнула и скрылась за своими хлопающими створками. В зале на некоторое время воцарилось молчание. Гарольд поправил галстук и сложил руки на коленях. Если посидеть вот так, тишком, может, и пронесет...

Две серые дамы завели разговор о погоде, но Гарольд не был уверен, общаются ли они только меж собой или со всеми присутствующими. Ему не хотелось показаться невежливым и еще меньше – быть уличенным в подслушивании, поэтому он напустил на себя серьезный вид и принялся изучать табличку на столе с надписью «Не курить», а затем ту, что висела у окна: «Просим уважаемых гостей воздержаться от звонков по мобильному телефону». Гарольду даже стало любопытно, что же здесь такое творилось, если владельцы сочли необходимым запретить столько всего разом.

Официантка принесла чайник и молоко. Он молча смотрел, как она наливает ему чай.

– Хорошо, хоть с погодой вам повезло, – заметила она.

Значит, не забыла. Гарольд глотнул чаю и обжегся. Официантка все не уходила.

– И часто вы такое проделываете? – поинтересовалась она.

Гарольд заметил, что в комнате повисла напряженная тишина, отчего вопрос женщины прозвучал чересчур громко. Он украдкой глянул на остальных завтракающих – все они застыли в ожидании. Даже папоротник в горшке – и тот как будто затаил дыхание. Гарольд едва заметно покачал головой. Он надеялся, что теперь официантка отойдет к кому-нибудь другому, но у всех здесь, по-видимому, была только одна забота – разглядывать Гарольда. В раннем детстве он так боялся чужого внимания, что ходил крадучись, словно тень. Он наблюдал, как мать красит губы или рассматривает картинки в своем журнале о путешествиях, а она и не догадывалась о его присутствии.

– Если время от времени хоть немного не сходить с ума, на что тогда надеяться? – сказала официантка и слегка похлопала его по плечу.

Потом она наконец ретировалась на кухню сквозь запретные двери. Гарольд чувствовал, что стал центром общего внимания, хотя присутствующие никак этого не выказывали. Даже опуская чашку на блюдце, он будто глядел на себя их глазами и едва не вздрогнул от резкого звяканья. Запашок меж тем все усиливался, и Гарольд мысленно выбралил себя за то, что вечером не догадался прополоснуть носки под краном; Морин бы ни за что не забыла.

– Простите, я хотела вас спросить, – воскликнула одна из пожилых дам, обернувшись к Гарольду. – Нас с подругой страшно интересуется ваша затея.

Дама была постарше Гарольда, высокая и элегантная, в тонкой блузке. Седые волосы уложены валиком на затылке. Гарольду подумалось, что и Куини, наверное, теперь уже поседела. Интересно, отрастила ли она волосы, как эта дама, или сделала стрижку, как Морин?

– Какое-нибудь ужасное сумасбродство? – полюбопытствовала дама.

Гарольд разубедил ее, мол, ничего подобного, но, к его смятению, в зале по-прежнему висело молчание.

Вторая дама, наоборот, была толстухой с ниткой скатного жемчуга на шее.

– У нас весьма скверная привычка прислушиваться к чужим разговорам, – сообщила она и засмеялась.

– Хотя это и очень некрасиво с нашей стороны, – заверили они всех остальных.

Речь обеих была такой же громогласной и отшлифованной, как у матери Морин. Гарольд невольно наморщил лоб, пытаясь вычленив в ней гласные.

– Наверное, полет на воздушном шаре, – предположила одна.

– Или безумно дальний заплыв, – подхватила другая.

Все выжидательно поглядели на Гарольда. Он вздохнул. Если бы ему почаще приходилось слышать звучание собственного голоса, наверное, тогда бы ему было легче представить себя оратором, готовым встать и управиться со словами должным образом.

– Я иду пешком, – выдавил он. – Иду в Берик-на-Твиде.

– В какой Берик? На Твиде? – переспросила высокая дама.

– Но до него где-то около пятисот миль, – сказала ее подруга.

Гарольд не имел об этом понятия. Он пока не решался высчитывать расстояние.

– Да, – согласился он, – а то и больше, если держаться в стороне от М-5⁹.

Молодой человек в углу покосился на бизнесмена, и его губы скривились в ухмылке. Гарольд невольно заметил это и расстроился. Конечно, они правы, а он смешон. Старичье на пенсии должно сидеть по домам.

– А вы долго тренировались? – не отступалась от него высокая дама.

Бизнесмен сложил газету и оперся на столик, ожидая ответа. У Гарольда промелькнула мысль, не соврать ли им, но в душе он знал, что так нельзя. Чувствовал он и то, что доброжелательность собеседниц выставляет его в еще более жалком свете, поэтому вместо уверенности ощущал только стыд.

– Я не турист. Меня что-то позвало, и я пошел. Это очень нужно одному человеку. У нее рак.

Молодые супруги воззрились на него в замешательстве, словно Гарольд вдруг перешел на иностранный язык.

– То есть вы идете с религиозной целью? – пришла на помощь полная дама. – Совершаете паломничество?

Она посмотрела на подругу. Та вполголоса запела «Доблестью заручись...»¹⁰. Понемногу ее высокий звонкий голос окреп, а впалые щеки порозовели. Гарольд снова терялся в догадках, поет ли она для всех или только для своей знакомой, но перебивать в любом случае было бы невежливо. Дама смолкла и улыбнулась. Гарольд тоже улыбнулся, но только из-за того, что не представлял, что говорят в таких случаях.

– А она, значит, в курсе, что вы идете? – задал вопрос мужчина, сидевший в углу.

На нем была «гавайка» с короткими рукавами, а руки и грудь покрывала кудрявая темная поросль. Он развалился на сиденье, откинувшись на спинку стула и раскачиваясь на его задних ножках – привычка, за которую Морин постоянно отчитывала Дэвида. Флюиды сомнений распространялись от него по всей комнате.

– Я передал ей сообщение по телефону. И написал письмо.

– И все?

– На другое времени как-то не хватило.

Бизнесмен циничным взглядом пригвоздил Гарольда к стулу. Ясно было, что Гарольд перед ним весь как на ладони.

– Помнится, два молодых человека тоже отправились из Индии с маршем мира, – начала полная дама. – Это было в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом. Они обошли все ядерные

---

⁹ М-5 – автострада Бирмингем – Бристоль – Эксетер.

¹⁰ «He who would valiant be» – церковный гимн на слова Джона Баньяна.

уголки планеты и несли с собой чай. Главам ядерных держав они предлагали, если те вдруг почувствуют, что уже готовы нажать красную кнопку, заварить чайку и поразмышлять.

Ее подруга просветленно покивала. Гарольду вдруг стало душно, воздух в комнате показался спертым, и нестерпимо захотелось выйти наружу. Он тихо поглаживал рукой галстук, словно убеждая себя в собственном присутствии, но все равно чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке. «Все-таки он ужасный верзила», – отозвалась о нем однажды тетушка Мэй, как будто этот изъян подлежит исправлению, вроде текущего крана. Гарольд уже жалел, что заговорил с постояльцами о своем походе. И ему совсем не нравилось, что сюда примешали религию. Он не имел ничего против веры в Бога, но религия представлялась ему областью, где все остальные знают, как себя вести, а он нет. Ведь и он однажды обращался к вере, но не нашел в ней утешения. И вот теперь эти две благожелательные дамы взялись обсуждать буддистов и мир во всем мире, но Гарольд был бесконечно далек от всего этого. Он был пенсионером, которого позвало в путь письмо.

Он сказал:

– Когда-то очень давно мы с этой женщиной вместе работали. Моей обязанностью было проверять пабы, чтобы в них все шло нормально. А она работала в финансовом отделе. Иногда нас посылали проверять вдвоем, и я ее подвозил. – Его сердце так колотилось, что Гарольду едва не сделалось дурно. – Как-то раз она меня выручила, а теперь она при смерти. Я не хочу, чтобы она умерла. А хочу, чтобы жила.

Нагота этих слов так поразила Гарольда, словно на нем самом не оказалось одежды. Он уткнулся взглядом в колени, и в комнате повисло молчание. Гарольду хотелось как можно дольше удержать невольное пришедший на память образ Куини, но слишком уж усердно и пристально рассматривали его остальные постояльцы, сомневаясь в его, Гарольда, подлинности, и воспоминание тихо ускользнуло от него, совсем как живая Куини много лет назад. На миг он будто вновь увидел пустое место за ее рабочим столом и постоял возле, неизвестно чего ожидая и все еще не веря, что ее здесь нет и больше она не вернется. Голод у него прошел. Гарольд уже хотел выйти и глотнуть свежего воздуха, но в зал вихрем ворвалась официантка с горячим завтраком. Гарольд старательно принялся за него, но почти ничего не съел. Ломтик обжаренной ветчины и колбасу он раскрошил на мелкие кусочки и, выложив аккуратным рядком, спрятал под ножом и вилкой – тоже привычка Дэвида, – а потом удалился к себе.

Вернувшись в номер, Гарольд постарался разгладить на постели простыни и цветастое одеяло так, как это сделала бы Морин. Ему хотелось развеяться. У раковины Гарольд смочил волосы и пригладил их набок, затем указательным пальцем вычистил из зубов остатки пищи. В своем отражении в зеркале он заметил отцовские черты. Они проступали не только в голубизне глаз, но и в форме губ, немного выпяченных, как будто под нижней все время было что-то спрятано, и в ширине лба, когда-то прикрытого челкой. Гарольд всмотрелся пристальнее, изо всех сил надеясь обнаружить в себе и мать, но, кроме роста, она не оставила в нем никаких иных следов.

Гарольд был пожилой человек – вовсе не заправский ходок и уж тем более не паломник. Кого же он пытается одурачить? всю свою сознательную жизнь он провел в четырех стенах. Его кожа, натянутая на кости и сухожилия, одрябла и напоминала мозаичный узор. Ему представилось множество миль, отделявших его от Куини, и пришло на ум напоминание жены, что он дальше своей машины никуда не ходил. Вспомнил Гарольд и зубоскала-«гавайца», и бизнесмена-скептика. Все они правы. Он ничегошеньки не смыслит ни в физической подготовке, ни в картах местности, ни даже в открытых пространствах. Надо заплатить по счету и сесть на автобус до Кингсбриджа. Он закрыл за собой дверь номера совершенно беззвучно, будто прощаясь с чем-то, едва только брезжившим впереди. Украдкой ступая по ковру, Гарольд так же бесшумно сошел вниз по лестнице.

Пока он убирал бумажник в задний карман, дверь комнаты для завтрака распахнулась, и из нее показалась официантка, а следом – две серые дамы и бизнесмен.

– А мы уже боялись, что вы ушли, – приглаживая рыжие волосы, сказала слегка запыхавшаяся официантка.

– Мы хотели пожелать вам доброго пути! – воскликнула полненькая дама.

– Очень надеюсь, что вы его преодолеете, – добавила ее высокая подруга.

Бизнесмен втиснул в ладонь Гарольда свою визитку:

– Если все же доберетесь до Гексэма, непременно ко мне загляните.

Они поверили в него. Увидели его тапочки для парусного спорта, выслушали его и сердцем и разумом приняли решение пренебречь внешним впечатлением и вообразить нечто большее, несравненно прекраснейшее, нежели всякая очевидность. Гарольду вспомнились недавние сомнения, и ему стало совестно.

– Вы так добры, – кротко вымолвил он.

Он пожал им всем руки и поблагодарил. Официантка приникла щекой к его щеке и чмокнула воздух за его ухом.

Вполне возможно, что бизнесмен вдогонку Гарольду фыркнул или даже состроил рожу. Гарольду показалось, что из столовой тоже донесся взрыв хохота, сменившийся приглушенным хихиканьем. Но он не стал на этом заикливаться; он был так благодарен им всем, что, услышав, рассмеялся вместе с ними.

– Я зайду к вам в Гексэме, – пообещал он и, широко взмахнув рукой, зашагал к шоссе.

Позади осталась свинцовая морская гладь, а вдаль до самого Берика раскинулись просторы, за которыми снова лежало море. Гарольд пустился в путь, и в начале похода ему уже грезилось его окончание.

5. Гарольд, трактирщик и хозяйка с угощением

Стоял прекраснейший весенний денек. Дул слабый свежий ветерок, а сверху ярко синели небеса. Гарольд хорошо помнил, что у себя на Фоссбридж-роуд он недавно шурился сквозь тюль на деревья и кусты, и на фоне горизонта они проступали обглоданными скелетами; а теперь, когда он шел по дороге, на вольном воздухе, на что бы ни падал его взгляд: на поля, сады, деревья и изгороди – все вдруг бурно тронулось в рост. Сень ветвей над головой украсилась молодыми клейкими листочками. Он удивлялся желтым облачкам соцветий форсайтии, стелющимся побегам лиловой аубреции, молодой вербе, трепещущей, словно серебристый фонтан. Из почвы проклевывались первые картофельные ростки, а на крыжовнике и смородине колыхались гроздья крохотных соцветий, похожие на сережки Морин. От богатства и многообразия новой жизни у Гарольда закружилась голова.

Гостиница давно осталась позади, а машин на дороге встречалось мало, и ему пришло вдруг на ум, как он все-таки незащищен – один-одинешенек, без мобильного телефона... Если он невзначай упадет или кто-нибудь выскочит из кустов и набросится на него, кто услышит его крики? Рядом затрещали ветви, и у Гарольда сердце ушло в пятки. Он поспешил ускорить шаг и, оглянувшись, заметил всего-навсего голубя, мостившегося в древесной кроне. Постепенно он выработал свой ритм движения и почувствовал себя увереннее. Под его ногами расстилась Англия, и ощущение свободы, прорыва в неведомое так бодрило Гарольда, что он не мог удержаться от улыбки. Он был сам себе хозяин в этом мире, и ничто не могло воспрепятствовать ему или попросить подстричь газон.

Справа и слева за изгородями раскинулись поля. Ветерок взъерошил деревья в соседней рощице, и она стала похожа на хохолок. Гарольду вспомнились собственные непослушные юношеские вихры, которые он каждое утро укладывал коком с помощью геля. Теперь его путь лежал в Саут-Брент, где можно было остановиться на ночь в недорогой гостинице. Оттуда по шоссе А-38 он доберется до Эксетера. Гарольд не помнил в точности, сколько это получается миль, но в прежние времена на машине, чтобы добраться туда, он тратил никак не меньше часа и еще минут двадцати. Гарольд выбирал дороги-однопутки. Кусты обступали их по обочинам такой высокой и плотной стеной, что он шел будто по дну рва. Его поражало, до чего молниеносными и агрессивными кажутся автомобили, если сам не сидишь за рулем. Непромокаемую куртку Гарольд снял и нес, перекинув через руку.

Вместе с Куини он бесчисленное число раз ездил по этой дороге, но пейзажа не запомнил. Вероятно, тогда его целиком поглощали мысли о работе, о том, чтобы приехать, куда назначено, точно в срок, и местность за окном машины смазывалась в сплошной зеленый поток, а все холмы казались на одно лицо. Зато при ходьбе пешком здешняя жизнь представляла ему совершенно иной стороной. Просветы в насыпях круглились, то взбегая вверх, то опадая, там и сям прерываемые шахматной доской полей, разграфленной живым частоколом или чередой деревьев. Иногда Гарольд останавливался полюбоваться. У него спирало в груди от богатства окружающих его оттенков зелени. Некоторые были густыми, бархатистыми, почти черными, другие, совсем светлые, отливали желтизной. Солнечный луч выхватывал мелькнувшее вдалеке окно автомобиля или, может быть, дома, и этот отблеск вздрагивал среди холмов, словно упавшая звезда. Как же так вышло, что Гарольд никогда прежде не замечал ничего подобного? Бледные цветочки, названия которых он не знал, заполнили вместе с фиалками и примулами подножия изгородей. Он не ведал, глядела ли Куини в те поездки в окно машины и видела ли она всю эту красоту.

«В машине пахнет чем-то сладким, – принюхавшись, сказала однажды Морин. – Фиалковыми леденцами».

После того Гарольд стал возвращаться домой вечером с открытыми окнами.

Когда он доберется до Берика, он обязательно купит букет. Гарольд представил себе, как входит в двери хосписа, где Куини сидит в удобном кресле у залитого солнцем окна и ждет его появления. Медперсонал побросает все свои дела, чтобы проводить его взглядом, а пациенты будут ликовать, а может быть, даже захлопают в ладоши – и все из-за того, разумеется, что он проделал такой долгий путь; а Куини засмеется тихонько, как бывало прежде, и возьмет букет из его рук.

Морин когда-то любила вставлять цветущую веточку или осенний листок в петлицу на одежде. Такое случалось, наверное, сразу после их женитьбы. А бывало, если платье без пуговиц, она просто засовывала цветок за ухо, и лепестки сыпались ей на волосы. Забавно смотрелось... Гарольд давно и думать об этом забыл.

Притормозила и резко остановилась совсем рядом машина, отеснив Гарольда в самую гущу крапивных зарослей. Опустилось стекло, и изнутри хлынула оглушительная музыка. Лиц Гарольд не разглядел.

– Пошел проведать подружку, дедуля?

Гарольд выставил вверх оба больших пальца, ожидая, пока они проедут. Ноги он успел обстрекать, и кожа на них зудела.

Он не спеша шел все дальше и дальше. Смирившись со своей тихоходностью, Гарольд целиком отдался радости движения. Горизонт вдальке был похож на полоску, проведенную кистью, синевато-прозрачную, словно вода, без вкраплений домов и деревьев. Иногда он расплывался, как будто земля и небо просочились друг в друга и стали двумя половинками единого целого. Гарольд миновал два грузовика, застрявшие нос к носу, и их водителей, поглощенных спором о том, кому из них давать задний ход, чтобы пропустить другого. Его желудок зывал о пище. Гарольд вспомнил о недоеденном завтраке, и у него подвело живот.

На развязке «Калифорния-Кросс» он ради раннего ланча зашел в паб и выбрал в корзине готовых закусок два кругляша сандвичей с сыром. Трое мужчин, с головы до ног покрытых штукатурной пылью и потому похожих на привидения, обсуждали работы в ремонтируемом ими доме. Несколько пьянчужек оторвались от своих пинт, чтобы взглянуть на Гарольда, но эта дорожка никогда его не влекла, и, к счастью, он ни с кем здесь не был знаком. Забрав ланч и лимонад, он не мешкая направился к двери и, выйдя в пивной садик, зажмурился от атаки солнечных лучей. Едва он поднес ко рту стакан, как в рот потоком хлынула слюна, и, вонзив зубы в сандвич, Гарольд ощутил, как вкусовые сосочки его языка мощно взорвались от пикантности сыра и хлебной сладости, словно он насыщался впервые в жизни.

В детстве Гарольд старался есть как можно беззвучнее. Отец терпеть не мог слышать, как он жует. Иногда он молчал, лишь зажимая уши и закрывая глаза, будто сын воплощал для него головную боль, а бывало, обзывал Гарольда свинтусом. «Яблоко от яблони недалеко падает», – замечала ему мама, вывертывая из мундштука сигаретку. «Это все нервы», – слышал Гарольд от соседа. После войны многие начали чудачить. В детстве ему порой хотелось прикоснуться к отцу, постоять с ним рядом, чувствуя на плече тяжесть мужской руки. Он тогда был бы не прочь порасспросить о том, что же случилось еще до его рождения и почему папины руки дрожат, когда он берется за рюмку.

«Чего это пацан так пялится на меня?» – спрашивал иногда отец. Мама легонько шелкала его по костяшкам пальцев, словно прогоняя с них муху, и говорила Гарольду: «Ну, перестань, сынок. Иди, поиграй на улице».

Гарольд изумился тому, что до сих пор все это помнит. Наверное, все дело в ходьбе. А может быть, тот, кто путешествует не на машине, а на своих двоих, видит гораздо больше, чем просто пейзаж.

Солнце теплым душем обливало голову и руки Гарольда. Он снял тапочки и носки под столиком, где никто не мог их увидеть или унюхать, и осмотрел стопы. Пальцы повлажнели и стали угрожающе малиновыми. Кожа на том месте, где задник прилегал к пятке, воспалилась,

там уже налился тугой волдырь. Гарольд погрузил своды стоп в мягкую траву и прикрыл глаза, чувствуя утомление, но зная, что спать нельзя. Если замешкаться надолго, потом будет трудно тронуться с места.

– Отдыхайте на здоровычко.

Гарольд обернулся в испуге оттого, что наткнулся на знакомого. Но это оказался всего-навсего держатель паба – он частично затмил Гарольду солнце. Трактирщик был такого же высокого роста, как Гарольд, но шире в плечах. Одет он был в футболку-регби, длинные шорты и сандалии, которые почему-то казались Морин похожими на корнуэльские пирожки. Гарольд поспешно всунул ноги в тапочки.

– Ничего-ничего, не беспокойтесь, – довольно-таки громко сказал трактирщик, не двигаясь с места.

Гарольд и раньше замечал, что многие рестораторы считают своим долгом создавать видимость беседы, пусть и односторонней и к тому же чрезвычайно, по их мнению, увлекательной.

– В хорошую погоду всем так и нейдет чем-то заняться. Взять хотя бы мою жену. Стоит солнышку пригреть, и она готова перемыть все кухонные шкафы сверху донизу.

Морин была готова драить круглый год. «Порядок сам собой не делается», – бурчала она и, бывало, начинала драить там, где только что навела чистоту. Невозможно было никуда ступить лишний раз – хоть по воздуху летай. Гарольд, тем не менее, помалкивал – держал свое мнение при себе.

– Что-то я вас тут раньше не видел, – сказал трактирщик. – В гостях?

Гарольд объяснил, что здесь он проездом, а затем добавил, что уже полгода как на пенсии, а раньше работал на пивоварне. Он застал те старые времена, когда агенты по сбыту каждое утро выезжали по делам фирмы, а всяких новых технологий было поменьше.

– Значит, вы наверняка знали Напьера?

Вопрос застал Гарольда врасплох. Закашлявшись, он ответил, что Напьер был его начальником до тех самых пор, как не разбился в автокатастрофе, а произошло это пять лет назад.

– Знаю, о покойниках плохо не говорят, – заметил трактирщик, – но сволочь он был еще та. Однажды на моих глазах чуть человека не уколошил. Мы из-за этого его и отшили.

У Гарольда внутри все сжалось. Напьера в разговоре лучше было не касаться... Взамен он стал рассказывать, как отправился в путь из-за письма Куини, но тут же понял, что этим не обойдешься и, прежде чем трактирщик успел напомнить Гарольду, что у него нет ни телефона, ни удобной обуви, ни карты, Гарольд сам предположил, что, наверное, кажется ему смешным.

– Какое редкое нынче имя – Куини, – заметил трактирщик. – Какое-то старомодное...

Гарольд согласился с этим и добавил, что Куини и сама была старомодной, молчаливой и всегда носила коричневый шерстяной костюм, даже летом.

Трактирщик сложил руки, упокоив их на мягком выступе своего чрева и слегка расставив ноги, как будто намеревался рассказать какую-то длинную историю. Гарольду оставалось только уповать, что речь не пойдет о расстоянии от Девона до Берика-на-Твиде.

– Знал я как-то одну милую девушку. Очень симпатичную. Жила в Танбридж-Уэллсе. Ее я первую поцеловал, ну, и кое-что еще она мне позволяла, если вы понимаете, куда я клоню. Так вот, эта самая девушка готова была для меня на что угодно. Но я ничего этого не замечал. Слишком торопился взять жизнь за жабры. И лишь годы спустя, когда меня пригласили к ней на свадьбу, я понял, как чертовски повезло этому малому, ее жениху.

Гарольду хотелось разуверить трактирщика, что сам он никогда не был влюблен в Куини, но перебивать было бы невежливо.

– И я пустился во все тяжкие. Начал пить. Ввязался в одну заварушку, вы понимаете?

Гарольд кивнул.

– Ну и кончил тем, что шесть лет отсидел. Жена смеется, но в то время я увлекся разными поделками. Столешницы красивые мастерил. По Интернету заказывал для них всякие побрякушки, целые наборы. По правде говоря, – трактирщик начал энергично чесать пальцем в ухе, – у всех нас есть прошлое. Все мы жалеем, что что-то когда-то сделали или не сделали. Удачи вам. Надеюсь, вы найдете свою подругу. – Трактирщик вынул из уха палец и, насупившись, принялся его изучать. – Если повезет, доберетесь туда еще до темноты.

Не имело смысла исправлять его заблуждение. Нельзя было даже надеяться, что люди поймут сущность этого похода или что они хотя бы верно представляют себе местоположение Берика-на-Твиде. Гарольд поблагодарил трактирщика и продолжил свой путь. Он вспомнил, что Куини носила в портфеле тетрадку и подсчитывала в ней расстояния. Ей была чужда ложь, по крайней мере, умышленная. Вспыхнувшее в нем на миг чувство вины заставило его ускорить шаг.

К вечеру волдырь окончательно разболелся. Чтобы кожа задника не натирала еще сильнее шиколотку, Гарольд приспособился продвигать ступню ближе к носку тапочки. Он больше не думал ни о Куини, ни о Морин. Не обращал внимания ни на изгороди, ни на горизонт, ни на проезжающие мимо автомобили. Он весь обратился в слова: «Ты не должна умереть», – и они воплотились в его ногах. Иногда эти слова по собственному произволу менялись местами, и Гарольд с изумлением ловил в голове рефрен: «Умереть ты не должна», или «Не должна ты умереть», или просто «Нет, нет, нет». Над ним раскинулось то же самое небо, что и над Куини Хеннесси, и в душе Гарольда росла уверенность, что она уже знает об его почине и ждет его. Теперь он точно знал, что доберется до Берика и что для этого ему надо просто переставлять ноги. Такая простота приводила его в восторг. Надо просто идти вперед, и тогда непременно дойдешь.

Все кругом стихло, лишь шуршали листьями шмыгающие мимо машины. Этот шелест переносил его мысли обратно к морю. Невольно Гарольд наполовину погрузился в случай из прошлого, непонятным образом пробравшийся в его сознание.

Когда Дэвиду было шесть лет, они все вместе поехали на пляж в Бантэм. Дэвид отплыл далеко от берега, и Морин закричала: «Дэвид! Вернись! Сейчас же возвращайся!» Но чем громче она звала, тем крохотнее становилась в море детская головка. Гарольд подбежал вслед за Морин к кромке воды и начал развязывать шнурки на ботинках, но потом почему-то раздумал. Он хотел уже стащить с себя обувь, когда мимо них пронесся спасатель, срывая на ходу футболку. Парень отшвырнул ее, словно навязчивую идею, и врезался всем телом в воду, пока не оказался в ней по пояс. Затем он бросился в волны и, рассекая их, подплыл к ребенку. Дэвида он вынес на руках. Детские ребра торчали, словно раздвинутые пальцы, губы посинели. «Повезло ему, – сказал спасатель, обращаясь к Морин, а не к ее мужу; Гарольд отступил на пару шагов. – Там сильное течение». Его белые парусиновые туфли намокли и блестели на солнце.

Морин никогда впоследствии об этом не упоминала, но Гарольд знал, о чем она тогда подумала, потому что ему самому пришлось на ум то же самое: почему он перестал развязывать шнурки, когда тонул его единственный сын?

Много лет спустя он спросил Дэвида: «Почему ты все плыл и плыл? В тот раз, на пляже? Ты что, не слышал нас?»

Дэвид, кажется, был тогда уже подростком. Он воззрился на Гарольда своими чудесными карими глазами полумальчика-полумужчины и пожал плечами. «А не знаю. Уже понятно было, что я в дерьме. Легче было утопнуть в нем, чем вернуться». Гарольд попенял ему, что вовсе не обязательно выражаться, особенно в присутствии мамы, а Дэвид ответил на это что-то типа «отвали».

Гарольд не понимал, с чего вдруг ему все это вспомнилось. Его единственный сын спасается бегством в морских волнах, а через сколько-то лет предлагает ему «отвалить». У него

в сознании возникали целые образы, отдельные фрагменты того случая: крапинки света, испещрившие морскую гладь, подобно дождю, и Дэвид, смотревший на него так пристально, словно взглядом хотел стереть его в порошок. Гарольд струсил тогда – вот в чем крылась правда. Он развязал шнурки, потому что его мучил страх, как бы не оказалось, когда уже ни к чему будут все оправдания, что он сдрейфил и не смог спасти своего ребенка. И хуже всего то, что все это знали: и сам Гарольд, и Морин, и спасатель, и даже Дэвид. Гарольд упрямо шел вперед.

Ему было страшно, что следом придут и другие воспоминания. Те образы и мысли, что теснились по ночам в его сознании и не давали уснуть. Через много лет Морин обвинила его в том, что он чуть ли не утопил собственного сына. Гарольд старался больше смотреть по сторонам.

Дорога пролежала по зеленому туннелю со стенами из густого кустарника. Через бреши и разрывы в нем сквозил солнечный свет. По склонам пробивались свежие ростки. Башенные часы вдаль пробили три. Время шло. Гарольд ускорил шаг.

Вскоре он ощутил во рту сухость. Гарольд старательно отгонял от себя образ стакана с холодной водой, но стоило картинке возникнуть в его воображении, как прохладная жидкость сама собой зашепотала язык, обрела вкус, и все его тело ослабло от желания немедленно утолить жажду. Гарольд ступал как можно осторожнее, стараясь уравнивать землю, которая иногда качалась под его ногами. Рядом с ним останавливались машины, но он жестом просил их проезжать, не желая привлекать к себе внимания. Каждый вздох казался ему шероховатым и с трудом проникал в грудную клетку. Ничего другого не оставалось, кроме как остановиться у первого попавшегося дома. Гарольд толкнулся в железную калитку, надеясь, что здесь не держат злых собак.

Дом был новым, выстроенным из серого кирпича; вечнозеленая, тщательно подрезанная изгородь стояла ровной стеной. Тюльпаны яркими рядами выстроились на грядках без единого сорняка. Сбоку висело на веревке выстиранное белье: несколько рубашек большого размера, брюки, юбки и бюстгальтер. Гарольд отвел взгляд, не желая показаться бестактным. Подростком он частенько глазел на грации с резинками, лифчики, эластичные штаны и чулки своих тетушек. Тогда он впервые осознал, что женский мир таит в себе очень заманчивые секреты. Гарольд позвонил в дверь и привалился к стене.

Ему открыла женщина, и при виде Гарольда ее лицо вытянулось. Ему хотелось попросить ее не волноваться, но все внутренности у него саднили, и язык еле ворочался во рту. Женщина кинулась за водой, и Гарольд дрожащими руками принял из ее рук стакан. Ледяная вода опалила ему зубы, десны и небо и устремилась вниз, в глотку. Гарольд едва не вскрикнул от правильности происходящего с ним.

– Вам вправду больше ничего не нужно? – спросила женщина, сбегав за вторым стаканом, который Гарольд тоже осушил до дна.

Она была мощного телосложения, в мятом платье; «детородные бедра», – говорила про такие Морин. Кожа на ее лице так обветрилась, что казалась намазанной сверху.

– Может, хотите отдохнуть?

Гарольд заверил, что ему уже лучше. Ему не терпелось снова вернуться на шоссе, негоже было обременять незнакомого человека. Кроме того, он чувствовал, что и так уже нарушил неписанный английский закон никого зря не просить о помощи. Усугублять значило поставить себя в один ряд с проходимцами и чужаками. Говоря так, он украдкой сипло дышал. Гарольд заверил женщину, что ему предстоит долгий путь, в котором он, видно, пока еще не совсем пообтерся. Он надеялся, что хозяйка улыбнется его словам, но она, кажется, не нашла в них ничего забавного. Давно прошли времена, когда женщины смеялись шуткам Гарольда.

– Обождите-ка, – велела она.

Женщина скрылась в тишине дома и вернулась с двумя складными стульями. Гарольд помог ей разложить их и снова повторил, что ему пора идти, но она грузно опустилась на сиденье, словно сама проделала долгий путь, и настойчиво пригласила его последовать ее примеру.

– Всего только на минутку, – увещевала она Гарольда. – Польза будет и мне, и вам.

Гарольд утомленно устроился на стульчике рядом с женщиной. Им овладела тяжкая осоловелость, и после секундного колебания он смежил веки. Сквозь них красновато пылал солнечный свет, а пение птиц и шум проезжающих машин слились в монотонный гул, отдававшийся внутри Гарольда и где-то далеко-далеко.

Когда он очнулся, женщина успела поставить у его коленей столик, где на тарелке лежали бутерброды с маслом и нарезанное дольками яблоко. Раскрытой ладонью, словно объясняя путь, она указала Гарольду на тарелку:

– Угощайтесь, пожалуйста.

Гарольд даже не подозревал, до чего он голоден, но при виде яблока почувствовал, что желудок пустее пустого. К тому же было бы неучтиво отказываться, раз уж женщина взяла на себя труд все это принести. Он жадно принялся за еду, извиняясь и не в силах остановиться. Она смотрела и улыбалась, поигрывая четвертинкой яблока, словно некой подобранной с земли диковиной.

– Вот, кажется, что может быть проще ходьбы, – наконец вымолвила она. – Просто переставляй ноги, и все. Но меня всегда удивляло, как иногда трудно даются вроде бы инстинктивные вещи.

Она облизала нижнюю губу кончиком языка, как будто подыскивая слова.

– Еда, – помолчав, начала она. – Вот еще трудность. Многие с ней просто мучаются. И разговор. Даже любовь. Все это порой оказывается так сложно.

При этом она смотрела на сад, а не на Гарольда.

– Сон, – вставил он.

Она обернулась:

– Вы плохо спите?

– Бывает.

Он потянулся за новой долькой яблока. Они еще помолчали. Затем женщина добавила:

– Дети.

– Что, простите?

– И с ними тоже бывает трудно.

Он перевел взгляд на выстиранное белье, на безупречные цветочные ряды. Во всем пронзительно ощущалось отсутствие юной жизни.

– А у вас есть дети? – спросила она.

– Только один.

Гарольд подумал о Дэвиде, но это так просто было не объяснить. Он увидел своего карапуза с загорелым, словно спелый орех, личиком. Ему захотелось описать женщине ямочки на его пухленьких коленях и первые башмачки, в которых Дэвид вышагивал, глядя себе под ноги, словно проверял, не подевались ли они куда-нибудь. Он вспомнил, как его сын лежал в кровати, и вспомнил его пальчики поверх шерстяного одеяльца, такие ужасающе малюсенькие. Посмотришь на них, и кажется, что они вот-вот растают от твоего прикосновения.

Материнство далось Морин совершенно естественно, как будто в ней все это время дремала другая женщина, только и поджидавшая случая появиться на свет. Она знала, как изогнуть тело, чтобы малыш спал, как приглушить голос, как подкладывать сложенную лодочкой ладонь под детскую головку. Знала, какой температуры должна быть вода в его ванночке, когда нужно укладывать его спать и как вязать ему синие шерстяные носочки. Гарольд понятия не имел, что она знает все эти вещи, и с благоговением наблюдал, словно зритель из-за кулис. Они углубляли его любовь к ней и вместе с тем поднимали ее на недосыгаемую высоту;

но именно тогда, когда он ожидал, что их любовь упрочится, она словно бы сбилась с пути или, по крайней мере, развела их в разные стороны. Гарольд со священным трепетом разглядывал своего крохотного сынишку, и его снедал страх. Что, если он голоден? А вдруг ему плохо? Вдруг, когда он пойдет в школу, его будут обижать мальчишки? Столько напастей на голову этого малыша грезилось ему в будущем, что Гарольд не мог не сокрушаться. Он задавался вопросом, пугаются ли другие мужчины отцовства так же, как он, или это лишь его недостаток. В те дни жизнь была иной. Теперь на улицах полно папаш с колясками, и им ничего не стоит взять и покормить своего ребенка.

– Я вас ничем не расстроила? – спросила хозяйка.

– Нет, нет...

Гарольд, качая головой, встал и пожал ей руку.

– Хорошо, что вы зашли, – сказала женщина. – Я рада, что вы спросили у меня попить.

Гарольд поспешно двинулся к шоссе, и она не успела заметить, что он плачет.

Слева замаячили нижние отроги Дартмура. Теперь Гарольд разглядел: то, что издалика казалось неясной синеватой громадой на краю горизонта, оказалось чередой лиловых, зеленоватых и желтых вершин, не размежеванных полями, с шапками снега на самых крутых пиках. Какая-то хищная птица, может быть, канюк, зависла в воздухе и, скользя на бреющем полете, парила в вышине.

Гарольд спросил себя, правильно ли он сделал много лет назад, не настояв на рождении второго ребенка. «И Дэвида хватит, – возразила тогда жена. – Больше нам не надо». Но иногда ему приходила пугающая мысль, что один ребенок – слишком тяжелое бремя. Он задавался вопросом, не уменьшается ли мука любви от того, что становится больше детей? Растить ребенка значило все больше и больше отдаляться друг от друга. Когда Дэвид однажды раз и навсегда отверг их опеку, они с Морин перенесли это по-разному. Вначале была только злость, на смену ей пришло что-то другое, похожее на безмолвие, но начиненное автономной энергией и яростью. В конце концов, когда Гарольд слег с простудой, Морин перебралась в другую комнату. Как бы то ни было, они оба предпочли отмолчаться на этот счет, и как бы то ни было, обратно она не вернулась.

У Гарольда саднила пятка, ныла спина и начинало припекать подошвы. Любой мельчайший камешек причинял боль; Гарольду приходилось беспрестанно останавливаться, снимать тапочку и вытряхивать ее. Время от времени он замечал, что ноги без всякой видимой причины начинают слабеть, как будто превращаются в студень, и тогда он оступается. В пальцах пульсировало, но, возможно, это происходило от непривычки подгибать их и продвигать ногу ближе к носку. И все же, несмотря ни на что, Гарольд чувствовал себя невероятно живым. Где-то вдаль заработала газонокосилка, и он от души рассмеялся.

Гарольд вышел на шоссе А-3121 до Эксетера, где ему на протяжении целой мили рычали в спину моторы машин, а затем свернул на В-3372 с зелеными травянистыми обочинами. С ним поравнялась пешая группа, судя по виду, спортсменов, и Гарольд посторонился, уступая дорогу. Они обменялись любезностями о прекрасной погоде и о пейзаже, но он не признался им, что идет в Берик. Гарольд счел за лучшее держать это при себе, как спрятанное в кармане письмо от Куини. Они прошли мимо, и Гарольд с любопытством отметил, что у всех есть рюкзаки, кое-кто облачен в свободный спортивный костюм, у некоторых имеются противосолнечные козырьки, бинокли и раскладные тросточки для ходьбы. Но ни у одного он не увидел тапочек для парусного спорта.

Пешеходы помахали ему, а один или два рассмеялись. Гарольд не знал, был ли он им забавен как безнадежный случай или же они им восхищались, но в любом случае, с удивлением понял он про себя, это уже не имеет для него никакого значения. Он теперь очень отличался от того человека, который вышел из Кингсбриджа, и даже от того, кто рассчитывался в гости-

нице. Он не имел ничего общего с тем, кто отправился опустить письмо в почтовый ящик. Гарольд шел к Куини Хеннеси. Он начал все заново.

Впервые узнав новость об ее назначении, Гарольд был удивлен. «В финансовый отдел, кажется, пришла работать какая-то женщина», – сообщил он Морин и Дэвиду. Они ужинали в «лучшей» комнате; это было еще в те времена, когда Морин любила стряпать, а семейные трапезы были традицией. Припомнив тот эпизод, Гарольд понял, что это происходило на Рождество, потому что беседу оживляла такая штука, как праздничные бумажные шляпы.

«Интересная?» – любопытствовал Дэвид. Вероятно, он тогда перешел уже на продвинутый курс в средней школе. Сын с головы до ног был облачен в черное, волосы отросли почти до плеч. Бумажную шляпу он надевать не стал, а наколол ее на вилку.

Морин улыбнулась. Гарольд и не надеялся, что она встанет на его сторону, потому что она, понятное дело, любила Дэвида. Но иногда ему хотелось ощущать себя меньшим изгоем в их обществе, как будто узы матери и сына заключались лишь в отъединении от него.

Дэвид изрек: «Женщина на пивоварне не задержится».

«Но она, говорят, очень хороший специалист».

«Про Напьера всем известно. Он же бандюга. Капиталист с садомазохистскими наклонностями».

«Не такой уж мистер Напьер негодяй».

Дэвид расхохотался. «Папа, – сказал он, как он это умел, давая понять, что кровная связь между ними – не более, чем ужимка судьбы. – Он прострелил кому-то колено. Все про это знают».

«Никогда не поверю».

«За кражу из кассы мелких расходов».

Гарольд промолчал, подбирая корочкой соус. И до него доходили такие слухи, но он старался отгонять от себя всякие домыслы.

«Что ж, будем надеяться, ваша новенькая не феминистка, – продолжал Дэвид. – И не лесбиянка. Или социалистка. А, папа?» Вероятно, он уже покончил с мистером Напьером и теперь перешел к темам, более понятным за семейным столом.

Гарольд на мгновение поймал на себе взгляд сына. Его глаза в те дни еще сохраняли колючесть и задиристость; если долго глядеть в них, становилось не по себе. «Ничего не имею против тех, кто на меня непохож», – произнес он, но сын лишь поцокал языком и поглядел на мать.

«Ты читаешь «Дейли телеграф», – уличил он Гарольда. Затем отодвинул тарелку и встал. Гарольд с трудом мог переносить вид его бледной худосочной фигуры.

«Поешь еще, радость моя», – попросила Морин. Но Дэвид покачал головой и тихонько ретировался, как будто один лишь облик отца способен был отбить аппетит от рождественского ужина.

Гарольд поднял глаза на Морин, но она уже собирала со стола тарелки.

«Он у нас умник, ты же понимаешь...» – сказала она.

Под этим подразумевалось как бы само собой, что ум не только все извиняет, но и простирается далеко за пределы их понимания. «Не знаю, как ты, но для вишневого бисквита я уже слишком объелась». Морин наклонила голову и сбросила с головы бумажную шляпу, словно вдоволь наигравшись в детство, и пошла мыть посуду.

К вечеру Гарольд добрался до Саут-Брента. Он снова ступил на брусчатку и изумился, до чего мелкими кажутся булыжники и какие они правильные по форме. Перед ним снова были сливочного оттенка дома, палисадники и гаражи с автоматическими замками, и теперь он чувствовал себя триумфатором, обретающим цивилизацию после долгого путешествия.

В мелочной лавке Гарольд закупил пластырей, питьевой воды, дезодорант в аэрозольной упаковке, расческу, зубную щетку, пластиковые станки и пену для бритья, стиральный порошок, а также два пакетика с чайным печеньем «Рич». В отеле он снял одноместный номер с гравюрами вымерших попугаев на стенах и тщательно обследовал ступни, прежде чем наклеить пластыри на сочащийся влагой волдырь на пятке и на распухшие пальцы. Каждая частичка его тела отдавалась болью. Гарольд чувствовал себя изнуренным. Никогда в жизни он еще не проходил за день такое расстояние, зато ему удалось преодолеть восемь с половиной миль, и он ужасно проголодался. Надо было поесть, позвонить Морин по таксофону и затем улечься спать.

Солнце плавно скользило над Дартмурской горной грядой, пропитывая небо багровой дымкой. Холмы окутывала сизоватая пелена, и коровы, щиплющие на них траву, отливали медовой рыжиной на фоне умирающего светила. Гарольду очень хотелось, чтобы Дэвид узнал о его походе. Интересно, расскажет ли Морин об этом сыну и в каких именно выражениях. Звезды понемногу, одна за другой, утыкали ночной небосклон, и сгущающаяся тьма замерцала ими. Гарольд смотрел и находил все новые.

Уже второй раз кряду он уснул и спал без сновидений.

6. Морин и ложь

Вначале Морин не сомневалась, что Гарольд вернется. Что он позвонит, продрогший и усталый, и ей придется ехать и забирать его, и случится это посреди ночи, и придется надевать пальто поверх ночной сорочки, искать туфли для вождения, и во всем этом будет виноват только Гарольд. Ночью она спала урывками, с зажженным ночником, положив у изголовья мобильник, но муж так и не позвонил и не вернулся.

Она вновь и вновь обдумывала случившееся. Завтрак, розовое письмо, молчаливый Гарольд, украдкой проливающий слезы. В голову закралась незначительнейшая подробность: как он сложил вчетверо листок с ответом и сунул в конверт так, чтобы она не заметила. Морин старалась подумать о чем-нибудь другом или вовсе ни о чем не думать, но в уме всплывала одна и та же картина: Гарольд, глядевший на письмо от Куини с таким видом, как будто в самой глубине его существа что-то медленно развязывалось. Ей до невозможности хотелось поговорить с Дэвидом, но она не знала, как все это выразить. В уходе Гарольда было что-то невообразимо ошеломляющее и унижительное, и Морин опасалась, что ее слова не достигнут цели, а уж этого ей ни за что не перенести.

Словом, когда Гарольд сообщил ей, что идет в Берик, подразумевал ли он под этим, что собирается там остаться?

Что ж, пусть идет, если хочет. Давно уже следовало этого ожидать. Весь в мать; Морин ни разу не виделась с Джоан, а сам Гарольд ни разу о ней не заговаривал. Но какая же женщина собирает чемодан и уезжает, не оставив даже записки? Да пусть себе уходит. Бывало, ей и самой начинало казаться, что с нее довольно. И дома ее держал лишь Дэвид, а вовсе не супружеская любовь. Она уже позабыла подробности их первой встречи с Гарольдом и что именно она в нем разглядела; помнила лишь, что однажды он подцепил ее на муниципальном балу и что ее мать, познакомившись с ним, нашла его заурядным.

«Мы с твоим отцом все-таки ожидали для тебя чего-то лучшего», – изрекла она в своей обычной отрывистой манере.

В те дни Морин не имела привычки прислушиваться к чужому мнению. И что из того, что он без образования? Что из того, что он не их круга? Что из того, что он снимает комнату в подвальном этаже и работает в стольких местах, что не успевает выспаться? Она смотрела на него, и сердце у нее ухало вниз. Она станет для него любовью всей жизни. Женой, матерью, подругой. Всем, чем угодно.

Иногда, оглядываясь в прошлое, Морин удивлялась, куда подевалась та юная безрассудная барышня?

Она просмотрела бумаги Гарольда, но не нашла в них никаких объяснений, почему он отправился к Куини. Ни писем, ни фотографий, ни черкнутых наспех адресков... Единственно, в прикроватной тумбочке она обнаружила свой собственный снимок послесвадебной поры, и еще один с Дэвидом, помятый, черно-белый, который Гарольд, вероятно, прятал здесь, потому что она отчетливо помнила, как наклеивала эту карточку в альбом. Безмолвие в доме напомнило ей времена, когда уехал сын; тогда сам дом, казалось, затаил дыхание. Она включила телевизор в гостиной и радио на кухне, но все равно везде было слишком тихо и пусто.

Неужели он ждал Куини все эти двадцать лет? А Куини что, тоже ждала его?

Назавтра предстоял мусорный день. Мусором у них заведовал Гарольд. Морин зашла в Интернет и заказала у нескольких компаний проспекты летних круизов.

С наступлением сумерек Морин поняла, что мусором придется заняться самой. Она сволокла мешок вниз по тропинке и привалила к садовой калитке, словно живой укор ушедшему Гарольду, который пренебрег своими мусорными обязанностями. Рекс, видимо, углядел ее из окна второго этажа, потому что на обратном пути она застала его у ограды.

– Все в порядке, Морин?

Она резко ответила, мол, да, все в полном порядке.

– А почему сегодня не Гарольд выносит мусор?

Морин подняла глаза к окну спальни. Пустота за ним с таким неистовством накинута на нее, что неожиданный приступ муки свел ее лицо судорогой. У Морин комок подкатил к горлу.

– Он в постели.

Она через силу улыбнулась.

– В постели? – Рекс даже разинул рот. – Почему? Гарольд что, приболел?

Элизабет однажды поведала ей с другой стороны бельевой веревки, что чрезмерная опека матери превратила Рекса в невозможнейшего ипохондрика. Она ответила:

– Нет, ничего страшного. Просто оскользнулся. Ногу подвернул.

Глаза Рекса округлились, словно пуговицы.

– Это случилось на вчерашней прогулке, да, Морин?

– Просто попался шаткий булыжник в мостовой. Он поправится, Рекс. Ему сейчас нужно отлежаться, вот и все.

– Морин, но это ни в какие ворота не лезет! Шаткий булыжник? Боже ты мой...

Он принялся скорбно покачивать головой. В доме тем временем зазвонил телефон, и у Морин сердце едва не выскочило из груди. Это наверняка Гарольд. Он возвращается! Она кинулась к двери, а Рекс, все еще не отходя от забора, выкрикнул вслед:

– Вам надо пожаловаться в муниципалитет по поводу этого булыжника!

– Не беспокойтесь! – бросила она через плечо. – Непременно пожалуюсь.

Сердце так колотилось, что Морин не знала, рассмеется она сейчас или расплачется. Она подбежала к телефону и сорвала трубку, но в этот момент сработал автоответчик, и на том конце отключились. Морин набрала 1471, но номер не определился. Тогда она села у телефона и стала смотреть на него и ждать, когда Гарольд позвонит еще раз или придет домой, но он не сделал ни того, ни другого.

Самое невыносимое началось ночью: Морин не понимала, как люди вообще могут спать. Она вынула из прикроватных часов батарейки, но ничего не могла поделать ни с лаем собак, ни с визгом тормозов машин, несшихся к новому кварталу в три утра, ни даже с криками чаек, пробудившихся ни свет ни заря. Она лежала тихонько, призывая сон, и иногда ее на миг окутывало бесчувствие, но потом она вновь просыпалась и снова все вспоминала. Гарольд идет к Куини Хеннесси. Осознавать этот факт после сонного неведения было даже мучительнее, чем впервые услышать о нем по телефону. Получался двойной обман. Но так оно и бывает – Морин уже знала. Надо притворяться, что все идет своим чередом, ничему не верить, а потом тебя снова отбрасывает назад, и истина неумолимо и непреклонно является во всей красе.

Морин открыла ящик в прикроватной тумбочке Гарольда и принялась рассматривать утаенные им там фотографии. На одной Дэвид в своих первых башмачках балансировал на одной ножке, уцепившись за ее руку, а другую поднимал перед собой, будто разглядывал с недоверием. На второй была заснята она сама, хохочущая так, что волосы длинными темными прядями ниспадали на лицо. Она баюкала в руках кабачок, выросший до размеров младенца. Вероятно, снимок сделали тогда, когда они только что переселились в Кингсбридж.

Когда из круизных компаний пришли три заказанных конверта, Морин, не распечатывая, отправила их в мусорную корзину.

7. Гарольд, пеший турист и женщина, любящая Джейн Остин

От внимания Гарольда не укрылось то обстоятельство, что несколько сотрудников пивоварни, не исключая и самого мистера Напьера, начали вдруг репетировать специфическую походку, которая вызывала у них истерический хохот, как будто в ней крылось что-то безудержно веселое. «Ты глянь!» – слышал он их подзадоривания со двора. Один из парней отставлял в сторону локоть, словно курица крыло, слегка приседал, придавая дополнительный вес нижней части торса, и начинал ковылять вразвалочку.

«Вот-вот! Мать твою, точно!» – вопили другие. Иногда вся компания выплевывала окурки и описывала гуськом целый круг.

Через несколько дней наблюдений его вдруг осенило, что объект их подражательства – та самая новенькая из бухгалтерии. Они корчили из себя Куини Хеннесси с сумочкой под мышкой.

С мыслью об этом Гарольд проснулся и сразу ощутил настоятельную потребность поскорее выйти наружу. Яркий солнечный свет обрамлял по краям занавески, словно силился во что бы то ни стало проникнуть к нему. Гарольд с облегчением ощутил, что, несмотря на ломоту в теле и боль в ногах, он может пошевелить обеими, а волдырь на пятке слегка подзажил. Свою рубашку, носки и трусы он накануне вечером развесил на батарее, предварительно простирнув с порошком в горячей воде. За ночь они заскорузли и не до конца просохли, но для использования вполне годились. Гарольд ровным строем налепил на пальцы пластыри и аккуратно сложил пожитки в пластиковый пакет.

Гарольд был единственным посетителем в столовой, являвшейся, по сути, маленькой гостиной с придвинутым к стене диванным комплектом и столиком на двоих посередине. Комната освещалась оранжевым абажуром, и в ней пахло сыростью. В застекленном шкафчике разместились коллекция кукол-испанок и засушенных васильков, похожих на жгутики папиросной бумаги. Владелица мини-гостиницы сообщила Гарольду, что горничная ушла. Объявила она об этом с таким видом, будто в отсутствие горничной было что-то подпорченное, словно та была снедью, которую пришлось выбросить. Женщина поставила на стол Гарольду завтрак и встала в проходе, сложив руки на груди. Он обрадовался, что можно обойтись без всяких объяснений, и принялся жадно и торопливо есть, глядя через окно на шоссе и высчитывая в уме, сколько потребуется времени не привыкшему к ходьбе человеку, чтобы пройти шесть миль до аббатства Бакфест, не говоря уже о четырехстах восьмидесяти с лишком милях до Берикана-Твиде. Он снова перечитал строки из письма Куини, хотя уже успел выучить его наизусть.

«Дорогой Гарольд, ты, вероятно, удивишься, получив мое письмо. Знаю, мы давно с тобой не виделись, но в последнее время я часто думаю о прожитом. В прошлом году мне сделали операцию...»

– Ненавижу Саут-Брент, – произнес кто-то совсем рядом.

Гарольд с удивлением оторвался от чтения. В комнате, кроме него и владелицы, никого не было, но голос вряд ли принадлежал ей. Она по-прежнему опиралась о косяк, скрестив на груди руки, и покачивала ногой. Тапка на ее ноге болталась, рискуя вот-вот свалиться. Гарольд опять принялся за письмо и за кофе, но голос вдруг добавил:

– Нигде в Девоне не столько дождей, как в Саут-Бренте.

Да, это говорила владелица, не глядя, впрочем, на Гарольда. Она уперлась взглядом в ковер, бездумно округлив губы, и они будто бы сами произносили слова за нее. Гарольду захотелось сказать ей что-нибудь в утешение, но в голову не лезло ничего подходящего. Воз-

можно, его молчания или даже просто присутствия было достаточно, потому что женщина продолжала:

– Даже когда здесь солнце, меня это не радует. Я начинаю думать: «Ага, сейчас погода хорошая, но это ненадолго». Дождь тут или уже идет, или вот-вот ожидается.

Гарольд сложил письмо от Куини и убрал в карман. Что-то во внешнем виде конверта тревожило его, но он не мог понять, что именно. К тому же невежливо было и дальше не обращать внимания на женщину, раз ей хотелось с ним поговорить.

Владелица меж тем начала снова:

– Однажды я выиграла поездку в Бенидорм. Оставалось только собрать чемодан и уехать. Но я не смогла. Мне прислали по почте билет, но я даже не вскрыла конверт. Почему? Почему, когда мне представилась возможность, я не воспользовалась ею?

Гарольд свел брови. Он подумал о том, сколько же лет они с Куини не общались.

– Наверное, вы побоялись, – предположил он. – У меня когда-то был настоящий друг, но я понял это только через много лет. Довольно забавно, но познакомились мы с ней в шкафу для писчих принадлежностей.

Он усмехнулся, вспомнив тот случай, но женщина промолчала. Наверное, ей сложно было такое представить. Она перестала качать тапкой, как маятником, и принялась рассматривать ее с таким вниманием, словно впервые увидела.

– Когда-нибудь я уеду отсюда, – пообещала она.

Женщина оглядела унылую комнатку, встретила взглядом с Гарольдом и наконец-то улыбнулась.

Вопреки предсказаниям Дэвида, Куини Хеннеси оказалась вовсе не социалисткой, не феминисткой и не лесбиянкой. Это была полноватая невзрачная женщина без признаков талии, с сумочкой, которую держала под мышкой. Ни для кого не являлось секретом, что мистер Напьер воспринимал женщин немногим лучше, чем гормональные бомбы с запущенным часовым механизмом. Он назначал их барменшами и секретаршами, а взамен ожидал известных услуг на заднем сиденье своего «Ягуара». Таким образом, Куини своим появлением на пивоварне ознаменовала поворотный пункт в работе фирмы. Мистер Напьер в жизни бы на это не пошел, если бы на ее должность нашелся еще хотя бы один претендент.

Держалась Куини тихо и незаметно. Гарольд услышал, как один из сослуживцев отозвался о ней: «По правде говоря, даже забываешь, что она женщина». Буквально через несколько дней стало известно, что Куини Хеннеси навела в финансовом отделе невиданный доселе порядок. Но пародии и смех, наполнявшие коридоры, от этого ничуть не прекратились. Гарольд надеялся, что они не достигают ее ушей. В столовой он иногда видел ее с сэндвичами, завернутыми в вощеную бумагу. Куини сидела вместе с молоденькими секретаршами и слушала их с таким видом, как будто ни ее, ни их там не было.

Но как-то вечером, когда Гарольд уже взял портфель, чтобы отправиться домой, вдруг из-за двери большого шкафа донеслось странное сопение. Он хотел пройти мимо, но сопение не прекратилось. Гарольд вернулся.

Чуть приотворив дверь, он, к своему облегчению, вначале не обнаружил за ней ничего, кроме коробок с бумагой. Но звук, похожий на всхлипывание, повторился, и тогда Гарольд заметил женщину, сидевшую на корточках у самой стенки к нему спиной. Шов по всей длине ее жакета сильно натянулся.

«Прошу прощения», – сказал он. Гарольд хотел уже закрыть дверь и поскорее ретироваться, но женщина вдруг зарыдала.

«Простите, простите...»

«Это я должен извиняться...» Одной ногой Гарольд стоял в шкафу, а другой снаружи, рядом с незнакомой женщиной, сморкавшейся в манильские конверты.

«Я справляюсь с работой», – пожаловалась она.

«Конечно... – Гарольд выглянул в коридор, надеясь, что кто-нибудь из молодых сотрудниц подойдет и поговорит с ней. Сам он никогда не был силен в утешениях. – Конечно», – повторил Гарольд, как будто многократность могла спасти дело.

«У меня диплом! Я не тупица!»

«Я знаю», – вымолвил он, хотя, по правде сказать, это было не совсем так: он почти ничего не знал о Куини.

«Тогда почему мистер Напьер все время так поглядывает? Как будто хочет поймать меня на ошибке? И почему им всем обязательно надо насмехаться?»

Их босс и для него являлся загадкой. Гарольд не знал, имели ли под собой почву слухи о простреленном колене, но он своими глазами видел, как самые несговорчивые трактирщики превращались у мистера Напьера в шелковых. За неделю до того босс с треском уволил секретаршу только за то, что она посмела дотронуться до его стола. Гарольд сказал: «Не сомневаюсь, что он считает вас превосходным бухгалтером». Ему просто хотелось, чтобы она перестала плакать.

«Мне необходима эта работа. Жилье ведь само за себя не заплатит. Но я уже готова сдать. Мне иногда по утрам даже вставать не хочется. Папа всегда мне говорил, что я слишком обидчивая». Гарольд не знал, как реагировать на все эти откровения.

Куини поникла головой, и он увидел на ее затылке мягкие темные завитки. Они напомнили ему о Дэвиде, и Гарольда пронзила жалость.

«Не сдавайтесь, – произнес он, понизив голос и слегка наклонившись к ней. Он говорил от чистого сердца. – Мне тоже сначала показалось непросто. Я чувствовал себя не на своем месте. Но потом станет легче. – Она молчала, и Гарольд на миг усомнился, слышит ли она его. – Ну, а теперь не пора ли выйти из шкафа?»

Он протянул ей руку и сам удивился своему жесту, но еще больше его изумило, что Куини подала ему свою. Ее ладонь оказалась мягкой и теплой.

Очувтившись снаружи, она быстро отняла руку, затем огладила юбку, как будто Гарольд был складкой, которую следовало расправить.

«Благодарю», – суховаго произнесла Куини, несмотря на отчаянно алый нос, и пошла прочь, выпрямив спину и вздернув подбородок, словно не она, а Гарольд оказался в щекотливой ситуации.

Вероятно, она раздумала сдаваться, потому что он каждый день проверял, на месте ли она, и Куини всегда сидела за своим столом и преспокойно работала. Они почти не разговаривали. Гарольд даже начал замечать, что стоило ему появиться в столовой, как она забирала свои сэндвичи и уходила.

Утреннее солнце сеяло золото на высочайшие вершины Дартмура, но в тени все еще висел над землей редкий туман. Впереди столбы лучей стояли вертикально, доставая до земли, словно придорожные вежи. Погода опять ожидалась отличная.

Покидая Саут-Брент, Гарольд увидел, как человек в домашнем халате оставлял на блюде корм для ежей. Он перешел дорогу, чтобы не наткнуться на собак. Дальше ему встретилась девушка в татуировках, благим матом оравшая под окном второго этажа: «Я знаю, что ты дома! Ты же слышишь меня!» Поеживаясь от ярости, она расхаживала туда-сюда, то и дело пиная садовую ограду, и каждый раз, уже собираясь оставить попытки, снова возвращалась к дому и вопила: «Эрран, обормот чертов! Я знаю, что ты там!» Потом Гарольду попались по дороге внутренности распотрошенного холодильника, выброшенный тьюфак, разрозненные башмаки, множество использованных полиэтиленовых пакетов и колпак от колеса, но наконец мостовая оборвалась, и шоссе перешло в однопуток. Гарольд и не ожидал, что с таким облегчением выйдет вновь к распахнутому над головой небу и обрадуется обступившим его по обеим сторонам дороги деревьям и склонам, густо поросшим папоротником и ежевикой.

Харборнфорд. Верхний Дин. Нижний Дин.

Он открыл вторую упаковку с печенинками «Рич», по пути доставая их одну за другой из пакета. Некоторые, увы, оказывались слишком рассыпчатыми и на вкус отдавали чем-то сернистым, вроде стирального порошка.

Не слишком ли он медлит? Жива ли Куини? Нельзя останавливаться ни на перекусы, ни на ночлег. Надо торопиться.

К полудню Гарольд обнаружил, что правая икра ноги сзади время от времени отдает стреляющей болью, а бедренный сустав будто заклинивает при спуске с холма. Вверх тоже приходилось взбираться медленно, придерживая ладонями поясницу – не столько оттого, что ее ломило, сколько оттого, что ему требовалась хоть чья-нибудь поддержка. Гарольд сделал остановку, проверил пластыри на ногах и заменил один на пятке, где волдырь сочился сукровицей.

Дорога свернула, взяла вверх, потом опять пошла под уклон. Иногда Гарольд видел перед собой и холмы, и поля, а иногда не видел абсолютно ничего. Он совершенно потерял ориентировку, думая о Куини и гадая, как она жила все эти двадцать лет. Интересно, вышла ли она замуж? Родила ли детей? Тем не менее из адреса было ясно, что она сохранила девичью фамилию.

«Я могу спеть «Боже, храни королеву» задом наперед, – похвасталась она однажды Гарольду. И спела, посасывая при этом мятный леденец «Поло». – А еще могу «Ты не приносишь мне цветов» и почти освоила «Иерусалим»».

Гарольд улыбнулся. Он не помнил, улыбнулся ли он в тот раз. Стадо коров ненадолго отвлеклось от пережевывания травы, чтобы взглянуть на Гарольда. Пара буренок двинулась к нему, сначала неспешно, а потом легкой рысцой. Их тяжелые туловища двигались по инерции, не в силах остановиться. Гарольд радовался, что движется вперед, хотя и не без труда. Пакет с покупками колотил его по ногам, ручки впивались в запястья, оставляя на них белые бороздки. Гарольд попытался пристроить пакет на плечо, но тот неуклонно дрейфовал обратно к локтю.

Может быть, из-за непривычной тяжести, которую приходилось тащить, Гарольду вдруг вспомнилось, как его сын стоял в школьном коридоре у стены, обитой деревянными филеиками, с увесистым ранцем за плечами. На нем была серая ученическая форма; вероятно, Дэвид тогда в первый раз пошел в школу. Он, как когда-то его отец, тоже возвышался на добрых несколько дюймов над одноклассниками, отчего производил впечатление переростка или, по крайней мере, акселерата. И вот так, стоя у стены, он посмотрел на Гарольда и сказал: «Я не хочу быть здесь». Он не проливал слез, не цеплялся за Гарольда, не давая ему уйти. Дэвид обратился к нему с воистину обезоруживающим простодушием и самосознанием. А в ответ Гарольд ему – что? Что же он тогда ответил? Он тоже посмотрел сверху вниз на сына, которому желал всех мыслимых благ, и будто онемел.

«Да, жизнь – ужасная штука», – можно было отделаться так. Или: «Да, но скоро станет легче». Или в конце концов: «Да, бывает хорошо, а бывает и не очень». А еще лучше было бы, за неимением слов, просто подхватить Дэвида на руки. Но он этого не сделал. Он вообще ничего не сделал. Гарольд так остро переживал страхи Дэвида, что не видел никакого спасения от них. И в то утро, когда его маленький сын взглянул на него и обратился за помощью, Гарольд не смог ее оказать. Он поскорее сбежал обратно к машине и уехал на работу.

И для чего ему все это помнить?

Он ссутулился и прибавил шагу, как будто не столько хотел прийти к Куини, сколько уйти от самого себя.

Гарольд прибыл в Бакфестское аббатство перед самым закрытием сувенирной лавки. Прямоугольная громада собора из известняка уныло вырисовывалась на фоне затуманенных

горных пиков. Гарольд вдруг вспомнил, что однажды уже бывал здесь много лет назад, на день рождения Морин. Дэвид тогда отказался выходить из машины, а Морин настояла, чтобы остаться с ним, и они уехали домой, даже не покинув пределов автостоянки.

В монастырской лавке Гарольд накупил открыток и приобрел сувенирную ручку. Он долго колебался, не взять ли в придачу еще и баночку монастырского меда, но путь до Берикана-Твиде предстоял еще долгий, и неизвестно было, удобно ли нести банку в пакете и не просочится ли в нее невзначай стиральный порошок. В конце концов, он все же приобрел ее, попросив у продавца вдобавок пузырчатую упаковку. Монахов он нигде не приметил, только туристические группы. Очередь в заново отделанный «Фермерский» ресторан была длиннее, чем в само аббатство. Интересно, замечали ли это монахи и имели ли они что-нибудь против.

Гарольд взял себе большую порцию цыпленка-карри и отошел с подносом к окну на террасу, выходящую на покрытую лавандой лужайку. Он так проголодался, что не успевал подносить пищу ко рту. За соседним столиком супруги лет под шестьдесят что-то обсуждали, похоже, маршрут по карте. Оба были в защитного цвета шортах и таких же защитных толстовках, а на ногах у них Гарольд приметил коричневые носки и добротную обувь для ходьбы, так что, сидя друг напротив друга, они могли сойти за мужской и женский экземпляры одного и того же человека. Даже сэндвичи они ели одинаковые и пили один и тот же фруктовый напиток. Гарольд попытался представить себе Морин в одинаковой с ним одежде и не смог. Он начал подписывать открытки.

«Дорогая Куини,
Я уже прошел приблизительно 20 миль. Держись и жди меня,
Гарольд (Фрай)»

«Милая Морин,
Добрался до аббатства Бакфест. Погода нормальная. Обувь пока держится, ноги тоже. Г.»

«Милая девушка из автосервиса (Рады помочь),
Спасибо вам. От человека, который отправился пешком».

– Простите, не можете одолжить мне ручку? – попросил турист.

Гарольд подал ее, и мужчина несколько раз обвел что-то кружком на карте. Его жена молчала. Возможно, она даже насупилась – Гарольд предпочел не вглядываться.

– Вы с Дартмурского маршрута? – полюбопытствовал турист, возвращая ручку.

Гарольд ответил, что нет, он идет пешком к давнему другу по совершенно особому случаю. Он собрал открытки на столе и сложил их в аккуратную стопочку.

– Мы с женой, естественно, пешие туристы. Каждый год здесь бываем. Даже когда она сломала ногу, мы и то сюда добрались. Очень уж мы любим это дело.

Гарольд сказал, что он с женой тоже каждый год отдыхал в одном и том же месте, на базе в Истборне. По вечерам там всегда давали развлекательную программу, а для желающих были различные состязания.

– Однажды наш сын победил в конкурсе по твисту на приз «Дейли мейл», – добавил он. Мужчина нетерпеливо кивал, словно подгоняя Гарольда.

– Естественно, самое главное – что вы надеваете на ноги. Какая у вас обувь?

– Тапочки для парусного спорта.

Гарольд улыбнулся, но мужчина оставался серьезен.

– Лучше надевать «Скарпу». Все профи носят «Скарпу». Мы просто молимся на «Скарпу».

Его жена взглянула на него и сказала:

– Это ты молишься на «Скарпу».

Глаза у нее были чересчур круглые, как будто она носила контактные линзы и они были ей велики. На мгновение Гарольд смешался, вспомнив о забаве, которой иногда предавался Дэвид: засекал время, сколько он продержится не мигая с открытыми глазами. По лицу сына ручьем текли слезы, но он и не думал сдаваться. На базе отдыха в Истборне о таких состязаниях и речи быть не могло. На него тогда жалко было смотреть.

Турист поинтересовался:

– Какого типа у вас носки?

Гарольд взглянул на свои ноги. «Нормальные», – уже собирался сказать он, но собеседник вовсе не ждал его ответа.

– Вам нужны специализированные носки, – изрек турист. – Все остальное – хлам.

Вдруг он спросил без всякого перехода:

– Какие у тебя носки?

Гарольд и понятия не имел. И сообразил, что обращаются вовсе не к нему, лишь когда откликнулась супруга туриста.

– «Торло», – обронила она.

– А куртка из гортекса?

Гарольд раскрыл рот, но тут же снова закрыл.

– Ходьба – вот на чем держится наш брак. Каким маршрутом вы идете?

Гарольд объяснил, что его маршрут составляется по мере продвижения, но в общем и целом он направляется на север. И перечислил пункты: Эксетер, Бат и, возможно, Страуд.

– Я придерживаюсь шоссе, потому что всю сознательную жизнь провел за рулем. Я к ним привык.

Мужчина говорил не переставая. До Гарольда вдруг дошло, что турист принадлежит к разряду людей, которым для разговора вовсе не нужны собеседники. Жена туриста разглядывала свои руки.

– Котсуолдский маршрут, естественно, слишком разрекламирован. А вот Дартмурский – да хоть каждый день!

– А мне Котсуолдский нравится, – вмешалась его жена. – Препятствий там, правда, поменьше, зато он романтичнее.

И стала с таким упорством вертеть на пальце обручальное кольцо, что казалось, вот-вот открутит себе палец.

– Она любит Джейн Остин, – рассмеялся ее муж. – Все фильмы по ней смотрела. А я больше человек мужского рода, если можно так выразиться.

Гарольд невольно закивал, хотя и понятия не имел, что хотел сказать турист. Он даже близко не принадлежал к тому типу мужчин, которых Морин называла «типичный мачо». Он всегда старался избежать грандиозных попок с мистером Напьером и прочими сослуживцами у них в пивоварне. Порой он сам изумлялся, как ему удалось проработать столько лет рядом с алкоголем, сыгравшим столь трагическую роль в его жизни. Наверное, людей притягивает то, чего они боятся.

– Нам больше нравится Дартмурский, – подытожил турист.

– Тебе больше нравится Дартмурский, – поправила его жена.

Они посмотрели друг на друга как два совершенно незнакомых человека. В повисшем молчании Гарольд прибрал свои открытки. Он очень надеялся, что дело не закончится перебранкой. Неприятно было бы натолкнуться на одну из тех супружеских пар, которые на людях высказывают друг другу те опасные упреки, которые не решаются озвучить дома.

Ему снова припомнились каникулы в Истборне. Морин упаковывала для путешествия сэндвичи, они приезжали на базу в такую рань, что ворота были еще заперты. Гарольд всегда с нежностью думал о тех летних днях – пока Морин недавно не призналась ему, что, если Дэвиду нужно было описать смертную скуку, он говорил: «тоскливо, как в треклятом Ист-

борне». Сейчас они с Морин, конечно, никуда уже не выбирались, но Гарольд все-таки был убежден, что насчет Истборна Морин погорячилась. Они там столько смеялись. Дэвид находил одного-двух приятелей по играм. Однажды на вечере он даже выиграл танцевальный конкурс. Он был тогда счастлив.

«Скучно, как в *треклятом* Истборне»... Морин нарочно выделила это слово, и оно прозвучало осквернением из ее уст.

Голоса за соседним столиком отвлекли его от воспоминаний. Супруги перешли на повышенные тона. Гарольду хотелось как-нибудь улизнуть, но в перепалке не возникало ни малейшей паузы, когда он мог бы встать и, извинившись, тихо уйти.

Женщина, любившая Джейн Остин, спрашивала:

– Думаешь, так приятно было торчать здесь со сломанной ногой?

Ее муж уставился в карту, будто вопрос был обращен не к нему, а она продолжала, не обращая внимания на его безразличие:

– Я больше нипочем сюда не поеду.

Гарольд был бы рад, если бы она прекратила. Он был бы рад, если бы муж улыбнулся ей или взял ее за руку. Он подумал про них с Морин, про годы молчания в доме номер тринадцать по Фоссбридж-роуд. Не возникало ли и у Морин подчас желания взять и высказать во всеуслышание правду об их браке? Такая мысль раньше не приходила ему в голову, и она так расстроила Гарольда, что он не заметил, как вскочил и направился к двери. Супружеская чета, кажется, даже не заметила его ухода.

Гарольд остановился в маленькой гостинице, где пахло центральным отоплением, вареными гусиными потрохами и освежителем воздуха. Все его тело гудело от усталости, но, распаковав пожитки и осмотрев мозоли, он присел на кровать, не зная, чем заняться. Он чувствовал себя слишком взбудораженным, чтобы уснуть. На первом этаже передавали ранний вечерний выпуск новостей. Морин, наверное, тоже смотрит, пока гладит белье. Он еще посидел, слушая и ничего не слыша, утешаясь осознанием, что, по крайней мере, хоть в этом они едины. Ему вспомнилась чета из ресторана, и Гарольд вдруг так затосковал по жене, что уже не мог думать ни о чем другом. Если бы он тогда все переиграл, могло ли теперь быть иначе? Что, если бы он распахнул тогда дверь в гостевую комнату? Или заказал тур за границу? Но Морин никогда бы не согласилась... Ее слишком пугала невозможность поговорить с Дэвидом, нельзя было пропустить его приезд, которого она так ждала.

Вспомнилось и другое. Первые годы их супружества, еще до рождения Дэвида, когда Морин выращивала овощи в огорожке на Фоссбридж-роуд и поджидала Гарольда после работы на углу возле пивоварни. Они вместе шли домой, иногда сворачивая к набережной, или останавливались у причала и смотрели на корабли. Морин сшила из матрасного чехла занавески, а из остатков – платье-балахон. И пристрастилась выискивать в библиотеке какие-нибудь новые рецепты для готовки. Пошли запеканки, карри, спагетти, фасоль. За ужином она расспрашивала Гарольда о приятелях из пивоварни и об их женах, хотя, когда доходило до Рождества, они всегда оставались дома.

Он вспомнил, как любовался на Морин в ее красном платье с веточкой остролиста, приколотой к воротничку. Если прикрыть глаза, можно было бы, наверное, даже припомнить исходивший от нее сладостный аромат. Они пили в саду имбирное пиво и смотрели на звезды. «Зачем нам кто-то еще?» – вопрошали они по очереди.

Он вспомнил, как она, держа сверток с их новорожденным сыном, предложила Гарольду его подержать. Он не решился, и она улыбнулась: «Почему ты не хочешь его взять?» Гарольд ответил, что ребенок больше привязан к ней и, кажется, даже сунул руки в карманы.

Как же получилось, что обстоятельство, некогда вызывавшее у Морин улыбку и желание склонить голову Гарольду на плечо, через много лет стало источником такого возмущения

и злобы? «Ты никогда не брал его на руки! – орала она, когда их ссоры доходили до критической точки. – За все его детство ты ни разу даже не дотронулся до него!» Строго говоря, это было не совсем так, что он и заметил ей в скобках, хотя в сущности Морин была права: Гарольд страшился брать на руки собственного сына. Но почему же раньше она могла это понять, а спустя годы перестала?

Он задался вопросом, мог ли бы Дэвид навестить ее теперь, когда его отец удалился на безопасное расстояние.

Сидеть взаперти, ломая голову над подобными вещами, и предаваться бесчисленным сожалениям показалось Гарольду слишком мучительным. Он потянулся за курткой. За окном над хлопьями облаков висела убывающая луна. Женщина с ярко-розовой шевелюрой, заметив Гарольда, перестала поливать цветочные кашпо и уставилась на него, как на пришельца.

Гарольд позвонил Морин из таксофона, но у нее не нашлось для него новостей, и их разговор получился коротким и запинаящимся. Она лишь раз упомянула про его поход, спросив, догадался ли он хотя бы глядеть в карту. Гарольд ответил, что, как только доберется до Эксетера, намеревается приобрести себе подходящее снаряжение для ходьбы. И добавил, что в большом городе выбор богаче. Он даже упомянул тоном знатока про гортекс.

Морин произнесла:

– Ясно.

Ее голос звучал безжизненно, словно Гарольд затронул что-то неприятное для нее, чего она все время опасалась. В повисшем молчании до Гарольда донесся цокающий звук ее языка о небо и следом – журчание глотка. Затем Морин сказала:

– Надеюсь, ты уже высчитал, во сколько все это обойдется.

– Я собираюсь использовать свои пенсионные накопления. Но я держусь в рамках.

– Ясно, – повторила она.

– Мы ведь все равно ничего такого не планировали...

– Да.

– Значит, все нормально?

– Нормально? – переспросила она, как будто ей не приходило в голову взглянуть на ситуацию в таком свете.

На миг растерявшись, он едва не предложил: «Не пойдешь ли и ты со мной?» – но зная, что она тут же осадит его своим извечным: «Вряд ли», спросил вместо этого:

– Но тебе-то нормально? Что я так поступаю? Что я иду?

– Там видно будет, – ответила Морин и повесила трубку.

И Гарольд вышел из телефонной будки, всей душой желая найти понимание у Морин. Но они много лет провели в том краю, где речь утратила всякое значение. Ей достаточно было просто взглянуть на Гарольда, и прошлое с новой силой принималось ее терзать. Они обменивались ничего не значащими словами, чтобы не нанести друг другу боль. Оба скользили над поверхностью океана навеки невысказанного, необозримого и потому не доступного никакой переправе. Гарольд вернулся в свой временный приют и простирнул одежду. Он представил себе их отдельные кровати в доме номер тринадцать по Фоссбридж-роуд и попытался вспомнить, когда же Морин перестала открывать рот при поцелуе. До или уже после?

Он пробудился на рассвете, удивленный и благодарный тому, что может идти дальше, правда, на этот раз все еще утомленный. Отопление нагнало духоту, и ночь в гостиничном номере показалась Гарольду бесконечной и мучительной. Он не мог отделаться от ощущения, что намек жены на его пенсионные средства, пусть и косвенный, был вполне справедлив. Гарольд не должен был единолично тратить их на себя, без ее согласия.

Хотя, видит Бог, давно миновали времена, когда ему удавалось произвести на нее впечатление.

Из Бакфеста Гарольд двинулся по трассе В-3352 к Эшбертону, а на ночь остановился в Хитфилде. Он встречал по пути и других ходоков, и они обменивались краткими замечаниями о красоте ландшафта и о наступлении лета, а потом желали друг другу доброго пути и отправлялись каждый своей дорогой. Гарольд сворачивал то вправо, то влево, огибая холмы вслед за шоссе и никуда от него не отклоняясь. Вороны взлетали с веток, с шумом хлопая крыльями. Из кустов под ноги вдруг выскакивал олененок. Машины с ревом возникали из ниоткуда и уносились неведомо куда. За воротами лаяли собаки, а у канав попадались барсуки – мохнатые туши. Одинокие вишневые деревья красовались в цветочном уборе, а когда налетал ветерок, сыпали лепестками, как конфетти. Гарольд был готов удивляться чему угодно и когда угодно. Подобная свобода выпадала нечасто.

«Я – папа», – сказал он однажды матери, когда ему исполнилось шесть или семь лет. Она посмотрела на него с интересом, и Гарольд оробел от собственной дерзости. Он еще не придумал, что сделает следом. Оставалось нахлобучить на голову отцовскую холщовую кепку, натянуть домашний халат и уставиться обвинительным взглядом на пустую бутылку. Мамины губы вдруг запрыгали, и Гарольд подумал, что нотации, по крайней мере, ему не избежать. А потом, к его изумлению и вящему восторгу, мама запрокинула голову на нежной шее, и в воздухе, словно звон колокольчика, разлился ее смех. Гарольд стоял и смотрел на ее прекрасные зубы и розовое небо. Никогда еще ему не удавалось так рассмешить маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.